

18+

Геннадий МУРЗИН

**ЗАГАДКИ
СЕМЕЙНЫХ
ТРАГЕДИЙ**

(Уральский криминальный роман)

Геннадий Мурзин Загадки семейных трагедий. Уральский криминальный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51785592

ISBN 9785449847614

Аннотация

В уральском мегаполисе происходят происшествия – одно страшнее другого: то покушение на жизнь одного бизнесмена, то злодейское убийство другого, то... Дело рук одного маньяка или?.. Поначалу они не имеют касательства к известному частному детективу Фомину, однако он всё-таки оказывается так или иначе вовлеченным, а потом и вовсе окунается с головой в страшные криминальные перипетии. В конце концов встает перед дилеммой и... Принимает кардинальное для себя решение.

Содержание

Глава 1. Всякая душа – потёмки	8
Волнение	8
Находка	11
Любопытство	15
Беспокойство	22
Глава 2. Старость – не в радость, но и не такая уж беда	25
Философствования	25
Советники	29
Изменница	33
Глава 3. НЕ ОЧЕВИДНОЕ покушение в центре мегаполиса	43
Крестины	43
Информация	46
Бомбочка	52
Глава 4. В господских кругах поселяется тревога	61
Скандалисты	61
Балбес	70
Стрелок	77
Глава 5. Всё течет, но не всё при этом меняется	85
Увёртки	85
Жадина	94
Подстава	98

Шантаж	106
Недоумения	115
Глава 6. Странные происшествия воскресным днем	118
Вызов	118
Разборка	120
Тревога	125
Прояснение	137
Сюрпризец	141
Глава 7. Хвосты полковника полиции	146
Разглагольствования	146
Бартер	153
Полковник	156
САМАРИН	159
Кавказец	174
Заказчик	178
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Загадки семейных трагедий Уральский криминальный роман

Геннадий Мурзин

Редактор Геннадий Иванович Мурзин

Корректор Геннадий Иванович Мурзин

Фотограф Геннадий Иванович Мурзин

© Геннадий Мурзин, 2020

© Геннадий Иванович Мурзин, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-4761-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Геннадий Иванович МУРЗИН – известный российский писатель и публицист. Побережье Черного моря, Севастополь. Фото конца 2019 года.

Глава 1. Всякая душа – потёмки

Волнение

Бизнесмен средней руки Николай Мдивани (у него собственная фирма «Фея» по оказанию услуг с ремонтом квартир, а также магазинчик «Мзиури», торгующий свежими овощами и фруктами, выращенными кавказскими сородичами-фермерами) вернулся домой позднее обычного. Не в его натуре «пахать» сутками; беспорядочная суета – не его любимый конёк. Он старается успевать все делать в рамках трудового дня. Собран и организован, поэтому удаётся. Что же сегодня? Тот редкий случай, когда на улице Героев Сталинграда столкнулся нос к носу с приятелем; после обмена дружескими приветствиям (привычными объятиями и похлопываниями друг друга по спине) решили забежать на часок в ближайшее кафе «Горчичка», посидеть, поговорить, обменяться новостями, разумеется, не без парочки бокалов пивка.

Переступив порог просторной квартиры, не успев сбросить легкую курточку, не увидев среди встречающих дочурки, строго и коротко спросил:

– Где?!

Жена поняла и поспешила с ответом.

– В парке, – увидев недовольство на лице мужа и сдвинутые густые длинные смоляные брови, уточнила. – С Настюхой, подружкой. Я разрешила.

– Посмотри, который час, – проворчал муж. Он снял туфли, всегда доводимые им до блеска, вогнал ноги в просторные и удобные тапочки, прошел в туалетную комнату. Освежив лицо (несмотря на середину октября, стоит жара и в воздухе, поднимаемая резкими порывами ветра, пыль), прошел на кухню.

Только тут жена дала пояснение.

– С минуту на минуту жду... Обещала...

Хозяин сердито заметил:

– Я кому говорил, что в такое время в парке девочке нечего делать?

– Да ладно тебе... Не ворчи по пустякам. Она уже не ребенок.

– Не ребенок, да?! – в гневе переспросил Николай. – Ей всего десять лет! – и повторил по слогам. – Де-сять! Ну, понятно, да?!

– Не одна же, а с подружкой, которая на два года старше.

– Великая разница, да?!

Жена вздохнула и добавила, наверное, в качестве утешения:

– Молодежь нынешняя рано взрослеет.

– Идиотский аргумент, тебе не кажется?

Невинно глядя на мужа, чтобы не раздражать, ответила:

– Не кажется.

– Забыла, что случилось два года назад на пляже, да? Не у нас, а в Туапсе, но все равно. Осталась двадцатилетняя дуручка ночью в палатке одна, а утром нашли убитой. А год назад? Неподалеку вновь маньяк напал на девчонку и тоже на пляже. И тоже, да, чуть не убил. Ты хочешь, чтобы и с нашей девочкой что-нибудь такое случилось, да?

Жена тихо произнесла:

– Не хочу.

Необычно сердито муж проворчал:

– Соображать надо... Бабы мозги включать.

Покончив с ужином, Николай прошел в большую квадратную гостиную, а потом на застекленную полукруглую лоджию, где (напротив) по другую сторону дороги виднелся помпезный центральный вход в парк Победы. Багровый диск солнца стремительно прятался за деревьями, окрашивая горизонт в густеющий на глазах пурпур. Группы и группочки людей выплёскивал парк, но среди них дочери не было. Дальше терпеть не мог. Ворча себе что-то под нос (скорее всего, угрозы по адресу жены и дочери), стремительно прошел в прихожую и вышел на улицу.

Находка

Отец чуть ли не бегом углубился в парковую зону. Только сейчас заметив на ногах тапочки, в сердцах плюнул, но шаг сбавил: чтобы не привлекать особое внимание. Прошел мимо стелы-памятника, на острие которой святой Георгий, поражающий копьём вражескую нечисть, в начале главной аллеи остановился. Осмотрелся. Дочери не видно. Где же? Пойти дальше, в сторону открытого моря, где пляж? Нет, может разминуться. Слева и справа несколько параллельных аллей и дочь с подружкой могут проскочить по каждой из них. Как быть? Не стоять же на месте? Нельзя терять время. Вон, и фонари включили. Сумерки по осени наступают рано.

И тут-то он увидел, как группа подростков-скейтбордистов на большой скорости, свернув с боковой аллеи, перекивая друг друга, несется в его сторону. Свою девочку сначала услышал, а уж потом различил в толпе. Обрадовался. Смахнув слезу, огляделся: не видели ли его слабость? Он растерянно стоял и не знал, что ему делать дальше.

Дочь, увидев отца, вывела его из затруднительного положения: круто развернувшись, эффектно совершив в воздухе рискованный пируэт-прыжок, соскочив со скейтборда¹, под-

---

¹ Скейтборд (подростки-скейтбордисты называют просто – скейт) – доска, состоящая из [фанеры](#), которая содержит несколько слоёв [шпона](#), установленная

бежав, бросилась на шею.

– Папуль, что тут делаешь? Решил тоже прошвырнуться, да? Перед сном, да? Почему без мамы?

Сменив радость на притворную строгость, сказал:

– Не тараторь. – Вынув из кармана смартфон, набрал номер и сообщил жене, что дочь найдена и что с ней все в порядке. Потом сердито спросил. – Когда обещала быть дома, а?

– Ну... Папуль... Это... В пять...

– А сейчас?

Взглянув на золотые часики, подаренные на недавний день рождения, ничуть не смущаясь, ответила:

– Семь. – Все-таки где-то в глубине детского сознания забрезжило чувство вины, и поэтому попыталась оправдаться. – Я же не маленькая...

– Большая, да? Когда, скажи мне, успела повзрослеть?.. Не говорил ли тебе, что ты должна с раннего возраста воспитывать в себе чувство ответственности, да?

– Говорил, папуль. Много раз говорил.

– И... Ну-ка, поделись успехами.

– Иногда забываю, папуль... Извини.

– А что с матерью?.. Если она пошла на поводу и разрешила, то не переживает, да?

на колёса небольшого диаметра (ролики). Используется детьми как инструмент для выполнения различных эффектных спортивных трюков (здесь и далее – *примечания автора*).

Дочь, опустив голову, тихо произнесла:

– Обниму... ну... поцелую... Попрошу прощения...

Несколько мягче, но всё же отец нравоучительно потребовал от дочери:

– И пообещай: такого не допускать, сделать выводы.

– Обещаю.

Николай, осмотревшись и увидев свободную скамейку, кивнув, предложил:

– Присядем... Отдышусь немного.

– Ты бегал, да? – девочка смотрела на отца широко раскрытыми глазами.

– Глупышка – вот что я тебе скажу. Разве дело в этом?

– А в чем?

– Станешь взрослой, будет у тебя такая же своевольная дочь, и ты тогда только все поймешь.

– Я и сейчас уже взрослая.

Отец, хмыкнув, пошел в сторону скамейки. Дочь же, обернувшись к подружке, стоявшей все время в стороне и державшей под мышкой свою доску, назидательно сказала:

– Настюх, позвони маме, что вот-вот и будешь дома....

Вместе с нами.

Девочка ответила:

– Уже предупредила.

Отец, услышав, обернулся.

– Учись! Ответственное тебя.

– Ну, конечно. Она же старше.

Николай, покрутив головой, возразил:

– Чувство ответственности не зависит от возраста: оно либо есть, либо нет и никогда уже не будет. Ну, понятно, да?

Любопытство

Вот и спокойствие пришло в эту небольшую семью, собравшуюся полным составом в просторной гостиной. Взволнованное недавно происшествие всеми забыто. Кажется, забыто. Во всяком случае, глава семьи уже не хмурится, не цокает недовольно языком, а морщинки на его лбу разгладились. Николаю (кстати говоря, имя родители дали в честь святого Николая-Угодника, одинаково почитаемого в православии, следовательно, и Грузинской автокефальной церковью) предстоит рано отойти ко сну, потому что завтра чуть свет вставать. Предстоит деловая поездка в Германию, где у него с немецкой фирмой заключен долгосрочный контракт на поставку оконных комплектующих. Тамошние партнеры крайне дисциплинированные и нашу русскую расхлябанность не приветствуют. Подумав об этом, усмехнулся: несмотря на то, что чистокровный кавказец и осел окончательно в России каких-то десять лет назад, обрел привычку причислять себя к русским, а вместе с этим и в него таинственным образом стали проникать и соответствующие этому народу обычаи, к примеру, та же необязательность. Неосознанно происходит, противится, но окружающая среда здорово влияет. Стало быть, медленно, но верно все больше и больше приобретает черты коренного россиянина. И, кстати, по-русски говорит почти без акцента; правда, не изба-

вился в речи от частого употребления характерного для кавказцев при окончании предложений слова «да». Единственное, что не подвержено изменению, – его внешность: густые и жесткие смоляные волосы на голове, черные глаза, по-орлиному зорко смотрящие на собеседника и, разумеется, полноценный грузинский нос, мощно выступающий вперед.

Вечер понедельника. Стало быть, по первому каналу идет программа «На самом деле». Ведущий Денис Шелепин изображает противостоящие стороны, кто из них правдив, а кто лжец. Эксперты ему помогают: одни специалисты по правде используют физиогномику², другие – достижения технической мысли, в данном случае полиграф. С одной стороны, уже немолодая, говоря юридическим языком, истица, вызвавшая на шоу заподозренного в изменах мужа, знаменитого и заслуженного артиста; с другой же стороны, соответственно, кающийся и посыпающий уже седую голову пеплом, ответчик, уверяющий жену, что более верного мужа на свете не сыскать.

Глава семьи, глядя на происходящее на экране, прежде молчавший, вдруг сделал свое резюме:

– Оба хороши, друг друга стоят.

Как в воду глядел! Хотя в той самой физиогномике ни бельмеса. Вскоре выяснилось: истица от мужа гуляет, а ис-

---

² Искусство определения внутреннего состояния человека по движениям тела, головы, рук, мимике лица. В основе лежит средневековое учение о связи внешнего облика индивида с его характером.

тец, хуже того, завел на стороне, спутавшись с девицей в два раза моложе себя, ребенка.

– Папуль, а ты тоже?..

Николай от неожиданности вздрогнул.

– А... Черт! – Он забыл, что рядом с ним ластится, заглаживая прошлую вину, дочурка Тамара, его царевна. Встал, взял пульт и выключил телевизор.

Жена, просматривавшая глянцевого женский журнал, заметила:

– Давно надо было.

– Но, мам, как же узнаю, чем всё закончится?

Мать возмущение дочери оставила без ответа, а отец – нет. Он строго сказал:

– Марш к себе. И, если хочешь, у себя смотри свою любимую «Карусель»³.

Царевна лишь насупилась и не ушла. Какое-то время сидела, завязывая и развязывая косички под подбородком, и молчала, о чем-то сосредоточенно думая. Потом уверенно произнесла:

– Можешь не отвечать, папуль... Я все и так знаю...

– Что?.. Что ты знаешь?! – Он посмотрел на жену, а потом на дочь.

Жена лишь пожала плечами. Дочь же с видимым удовольствием и даже с неким вызовом ответила:

– Знаю, что у меня есть братик; что он старше меня на че-

---

³ Имеется в виду детский развлекательный телеканал.

тыре года; что зовут его Жориком; что мама у него русская. – Отец, не зная, что сказать, лишь взволнованно смотрел в лицо любимицы, которая пытливо уставилась на отца. – Скажешь, не правда?

Отец несколько минут приходил в себя, поэтому молчал. Эта история давняя, отложенная в глубинах его памяти; он никак не хотел к ней возвращаться и переворачивать саднящее его душу прошлое. Наконец-таки не нашел ничего лучшего, как спросить?

– Кто... ну... это... сказал, да?

Девочка, не понимая, что причиняет отцу боль, беззаботно, откинув назад косички, сказала:

– Дедуля...

– Который?

– Твой папа, а кто же еще?!

– Когда?

– Есть разница, папуль?

– А... Ну, да... Естественно...

Девочка торжественно произнесла:

– Получается, что где-то далеко-далеко живет мой брат Георгий Николаевич Мдивани... Так?

Отец виновато опустил голову.

– Получается, доченька...

– Папуль, а где Урал?

– Ну... Ты лучше меня должна знать.

Дочь утвердительно кивнула:

– Знаю... Порылась в «Википедии», погуглила... Далеко на Севере... Четыре тыщи километров от нас... Там снег и мороз... Столица – Екатеринбург. Я права?

– Да...

– Почему, папуль, Жорка не с нами? У нас тепло, красиво... Мы бы прикалывались... Он бы защищал меня и здорово наказывал моих обидчиков...

Отец, чтобы замять неприятную для него тему, решил разговор увести в сторону.

– Есть даже и такие? – иронично спросил он.

– Есть, папуль?

– Например?

– Егорка рожи мне строит и язык показывает.

– Ну и дурак... Не обращай на него внимания.

– Обидно же! Вот Жорка бы как один раз врезал, и Егорка бы про рожи позабыл.

Отец встал.

– Ладно... Мне завтра рано вставать... Пойду я... Всем спокойной ночи! – Он притянул дочь и поцеловал. Потом подошел к жене, сидевшей поджав губы и молчавшей, и тоже поцеловал.

Тамара вскочила и повисла на отцовской шее:

– Нет-нет, не отпущу, папуль, пока не расскажешь про братика, как и откуда он появился. Ты скрываешь? Не хочешь говорить?

– Нечего скрывать... Дело прошлое...

– Тем более, папуль!

– Может, отложим, да?

– Не будем откладывать! Посмотри на часы: всего половина восьмого. Успеешь выспаться.

– Томусик, а ты порядочная эгоистка.

– В тебя, папуль. Не веришь? Вызови маму на детектор лжи.

– Зачем?

– А вдруг я не твоя дочь!

– А чья же?

– Мало ли.

Отец погрозил пальцем:

– Много смотришь телевизор... Наслушалась всякого бреда.

Хотел отболтаться, но ничего из этого не получилось: кое-что все-таки рассказал; лишь то, что, по его мнению, может усвоить мозг десятилетней девочки. Внимательно выслушав, Тамара заключила:

– Я должна познакомиться с Жоркой. Ты ведь пригласишь его к нам в гости, а?

– Могу... Но мама его не отпустит... наверное.

– Тогда я пошлю ему видеописьмо, и он приедет. – Чуть подумав, добавила. – Жорка, пожалуй, крутой.

– Ты так считаешь?

– Ну, конечно! Он же твой, папуль, сын!

– И что с того?

– Папуль, не смей меня!..

Какой подростковый эгоизм! Дочери в голову даже не пришло, что этот разговор её любимой мамочке может быть крайне неприятен. Впрочем... Может, девочка пока что не способна этого понять и обвинение в эгоизме преждевременно? Кто способен ответить? Есть ли на свете такие специалисты, которые могут читать детские души? Вряд ли... Вообще: чужая душа – потёмки, а детская – вдвойне.

Беспокойство

Николай долго ворочался в постели, однако наконец-таки провалился в беспокойный сон. Видения, следовавшие страшнее одно другого, преследовали.

...Тяжело гудят самолетные двигатели. Корпус подрагивает. Николай смотрит в иллюминатор и видит... Совершенно непонятное: «Боинг» идет на снижение, под крылом (нет-нет, не Берлин!) Екатеринбург. Думает: чудится. Тщательно протирает кулаком глаза и убеждается, что на самом деле он летит на Урал. Как так? В чем дело? Попал на другой рейс? Чепуха! Если бы по пьяни, тогда... Еще мог бы понять. Тут же... Отрывается от иллюминатора, смотрит по верх голов впереди сидящих и видит мигающую тревожно надпись на табло: «Пристегнуть ремни». Выполнив требование, он поворачивает голову вправо, чтобы убедиться, что сосед сделал то же. Повернулся и отчетливо видит... Жорку, сына. Как он-то здесь оказался? Хотел спросить, но... Раздался сильный хлопок. Самолет затрясло. Двигатели замолкли. Салон затрещал. В проходе появилась стюардесса, которая истерично выкрикнула: «Приготовиться к смерти! Самолет падает и вот-вот грохнется!»

Николай подумал: «Ну и шуточки!»

Однако корпус стал на глазах разваливаться. Пассажиры в свободном падении, но почему-то хохочут. Нико-

лай же – в ужасе. Хватает за руку сына и орет, что есть мочи: «Не плачь, ты не умрешь! Я спасу тебя! Я не позволю тебе умереть!»

Здания Екатеринбургa всё ближе и ближе. Ветер свистит в ушах. Дышать становится трудно. И он кричит:

– Нет!..

Просыпается. На лице – холодный пот. Осматривается. Все в порядке; он в своей постели. Убедившись, встает и ворчит:

– Чертовщина какая-то... Приснится же...

Идет в столовую, где садится за стол, наливает в бокал минеральной воды «Боржоми», делает несколько глотков. Сухость во рту проходит.

Он думает. Он никак не может понять смысл сновидения. Да и повода для такого сна нет. Однако видел. Что это значит? К чему? О чем предупреждение? Сын в опасности? Ну, вряд ли. Его мать бы предупредила. Да, обижена, но если бы что-то угрожало её сыну, она бы... Забыла бы про все свои обиды. В конце концов, приходит к заключению: Жорка скучает; со дня рождения не виделся с отцом, а это было семь месяцев назад, то есть в апреле.

Допив минералку, произносит вслух:

– Вернусь из Берлина... Слетаю на Урал... Обязательно слетаю. И, кстати, переговорю с его матерью, попрошу ее отпустить Жорку на летние каникулы. Дочь права: дети одной крови и должны познакомиться.

Николай, успокоившись, встал, вернулся в спальную и вскоре захрапел.

Глава 2. Старость – не в радость, но и не такая уж беда

Философствования

Вчерашний день принес Фомину приятное удовлетворение: результат розыска десятилетнего мальчугана оказался на редкость позитивным; история, взволновавшая родителей, завершилась благополучно. Невероятно, но факт: детектив нашел беспечного парнишку уже через три часа после обращения к нему отца. Редчайшая удача в богатой практике Фомина. Имело место быть обычное везение или случайность? Наверное, так, но... Как он любит повторять, везет всё-таки лишь тому, кто, по-бычьему упираясь, упорно везет. Не его открытие? Всё так, однако, считает частный детектив, что ему остается, если умные мысли давным-давно произнесены или написаны другими? А одно: заниматься повторением прописных истин. Любит также частенько ссылаться и на другую банальность: повторение, мол, есть мать учения. С год назад был несказанно удивлен, когда случайно узнал, что в России ходит эта поговорка в усеченном варианте, что она не является русской по происхождению. Да-да, не больше и не меньше! Огорчился поначалу, а потом смирился.

И даже нос задрал кверху. Потому что, как оказалось, этого не знает даже его любимая Галина Анатольевна, авторитетнейший для него филолог. Вот оно даже как! Нет, что ли, основания для гордости?! И сейчас при каждом удобном случае козыряет новым знанием.

«Повторенье – мать ученья, – пафосно говорит он, подняв палец вверх, ухмыляясь, после паузы добавляет, – но прибежище ослов».

Находятся и те, которые затевают спор. И не по одному пункту, а даже по двум сразу. Важничая, Фомин, подражая ученым мужам, разъясняет: «Поговорка нами заимствована у одной из стран центральной Европы, при переводе на русский вторая часть была сознательно упущена и вошла в обиход именно в этом, усеченном виде. Теперь насчет ослов. Согласитесь, умному дважды ничего не надо повторять, а глупому и тупому ослу – в обязательном порядке». Соглашаются. Под тяжестью железных аргументов сдаются. Детектив, видя поражение спорщиков, при этом добродушно смеется. Ничего не поделаешь, если он любит быть победителем, победителем во всем. Знающие его люди не обижаются, воспринимают как природную (на генном уровне) данность.

...Это утро Фомин встретил рано. И бодренько. Вообще говоря, привычно. Несмотря на возраст (скоро стукнет шестьдесят), традиционно день начал с гимнастических упражнений, потом взялся за непривычно (для других, но не для него) тяжелые гантели. Жена видит, хмурится (счи-

тает, что в его-то лета пора бы уgomониться, о чем не устанет напоминать), но в этот раз молчит. Потому что знает, что на ее укоры муж неотреагирует. Разве что станет, ёрничая, философствовать. Например...

– Мое тело здорово, ведь так, Галчонок? – спрашивая, ухмыляется он.

Галина Анатольевна язвительно отвечает:

– Как породистый хряк... За центнер перевалил.

Муж обычно решительно машет рукой и категорически (создает видимость, что пущенной язвительной стрелы не замечает) возражает:

– Вот уж и нет. У хряка центнер сала, а у меня исключительно мышечное мясо... Ладно... Не будем... Сама знаешь, что в моей профессии иногда приходится брать не только умом, но и объёмом массы. Второе в каких-то случаях скорее усмиряет противника.

– Кто, Саш, спорит с тобой? Тело поддерживаешь в тонусе.

– Ага!.. В таком случае должна знать, что в здоровом теле должен быть и здоровый дух... Не иначе. А что такое дух и где его обитель? В душе! Значит, душа и тело взаимосвязаны.

Тут пришла пора и Галине Анатольевне уязвить мужа, причем тем же самым оружием.

– А, между прочим, если уж взялся цитировать великого человека, то следует быть поточнее.

– Ты, дорогая, о чем? – недовольно нахмурившись, спросил муж.

Жена, рассмеявшись, ответила:

– О том же самом.

– Будь добра, уточни!

– Крылатая фраза, на которую ссылаешься, имеет совсем другой смысл, если ее процитировать правильно.

– Ну-ну, дорогуша. Просвети, сделай одолжение.

– Должна звучать цитата так: «В здоровом теле здоровый дух – явление редкое».

– А... Кто автор?

– Мыслитель древности Ювенал.

– Тяжело мужу, – он вздохнул, – у которого такая умная жена.

Философствования детектива могут длиться долго, но жена обычно его тормозит.

Советники

Небольшая кухонька стандартной трехкомнатной панельной квартиры. За обеденным столом чуть-чуть поредевшая семья Фоминых: хозяин, то есть Александр Сергеевич Фомин, его жена Галина Анатольевна и их любимая дочурка Юлия, которой только-только отпраздновали день рождения, 21-летие и она весной следующего года выходит на защиту диплома. А поредела семья за счет женитьбы сына Максима, живущего теперь отдельно.

Допивая бокал утреннего крепкого кофе, глава семьи, не адресуясь ни к кому конкретно, спросил:

– Как Максимыч? Дает спать молодым родителям?

Дочь рассмеялась.

– Кому, как не новоиспеченному деду, лучше знать? Вечером звонил...

– Юль, это было вчера... Тебе не понять... Когда сама станешь бабушкой...

Дочь вновь рассмеялась.

– Я, пап, так далеко не заглядываю.

– Вот и напрасно. Я тоже... Но не успел оглянуться, как появился Максимыч, первый внук. Теперь, Юль, за тобой очередь... Какие твои планы, а?

– Даже в мыслях нет.

– Это почему?

– Всё потому, пап.

– Каждая женщина обязана мечтать о материнстве.

– Позволь мне сначала разделаться с универсом; диплом у меня сейчас на первом плане.

– С материнством, доченька, тоже нельзя затягивать.

– Сразу, как только обмоем диплом, займусь подыскиванием кандидата в мужья.

Отец, оставив кружку, нахмурился.

– Не понял. Нелады с Глебом? Не сметь крутить хвостом, понятно? Парнишка самостоятельный. И родители нормальные.

Дочь опять рассмеялась.

– У нас, пап, всё на высшем уровне... Не переживай. По крайней мере, на сегодня. А там – будем смотреть.

– И смотреть нечего!

– Хорошо-хорошо, пап! Повинуюсь. Воля родителя – закон.

Дочь встала, подошла и обвила красивыми руками шею отца.

– Мам, спасибо за завтрак. Ухожу.

Галина Анатольевна, не отрываясь от мытья посуды, спросила:

– Не рано? До первой пары занятий еще больше часа.

Дочь пошутила:

– Рано – не поздно. – Тут Юля обернулась к отцу. – Пап, а ты не забыл?

- Про что, доченька?
- Про крестины.
- Как же! Имею в виду... Помню...
- Смотри, а то забегаешься и...
- Как можно, Юль?!

Дочь вернулась за стол и присела рядом с отцом.

- Я вот давно думаю: стареешь на глазах, пап... Не пора ли?..

Александр Сергеевич догадался и потому прервал словами классика:

- И вечный бой! Покой нам только снится...
- Ну, пап, я же серьезно! Не вечно же...
- Нет, дочь, время не пришло.

Расставляя чистые тарелки в шкафу, Галина Анатольевна поддержала дочь.

- Тебе скоро шестьдесят стукнет. Вижу, как устаешь.
- Черт побери, Галчонок! Помру со скуки! Чем заниматься буду?
- Займешься внуком.
- Мал больно... Страшно в лапищи кроху брать.

Юля нашла занятие.

- Рыбачить будешь. Хобби свое совсем забросил. Тем временем и Максимыч твой войдет в силу. Вместе будете ходить на рыбалку.

Отец, заулыбавшись, кивнул.

- Заманчиво... Надо подумать.

– О чем думать?

– Галчонок, и ты туда же? Не получится! Лишняя копейка не помешает – ни тебе, ни нашим детям.

Галина Анатольевна вполне серьезно возразила:

– Всех денег не заработаешь. Да и дети уже стоят на ногах.

Взрослые.

– Да?! А на какие шиши будем свадьбу играть?

Дочь залилась в смехе.

– Ты про какую свадьбу?

Фомин нахмурился.

– Сама знаешь. Не надо строить из себя дурочку... – Он стукнул по столу. – Тема закрыта, потому что несвоевременна и неактуальна. Отгуляем на твоей, Юль, свадьбе и тогда вернемся к разговору.

Жена заметила:

– Но ты, Саш, хотя бы о помощнике подумал.

– Думаю... Не нахожу достойной кандидатуры. Как только кто-то нарисуетя на моем горизонте, так сразу отойду в сторону и передам основную часть работы помощнику.

Изменница

Час назад Галина Анатольевна, персональная помощница, закончив свои дела, запланированные именно на сегодня, ушла домой. Директор детективного агентства Фомин, поворчав недовольно (так, исключительно для порядка) по адресу подчиненной, сделав еще, так сказать, на посошок, пару обязательных звонков, собрался также отправиться домой, однако услышал, как кто-то (осторожно и даже, пожалуй, несколько нерешительно) открыл дверь и вошел в офис.

Фомин подумал: «Кого еще черт занес? Лично я никого не жду... Ждал, но раньше, а теперь же...»

Вышел в прихожую. И увидел его – это пожаловал Илья Колпаковский, известнейший в Екатеринбурге предприниматель, точнее, сын богатейшего горожанина Леонида Колпаковского, миллиардера. Увидев хозяина, посетитель натянуто улыбнулся, вежливо и высокопарно поинтересовался:

– Если не ошибаюсь, имею честь видеть знаменитого детектива Александра Сергеевича Фомина, не так ли? – Вопрос повис в воздухе, ибо был оставлен без ответа. Пустые вопросы, по мнению Фомина, априори не нуждаются в реакции, так как вопрошающий знал заранее, куда шел и к кому. Преодолевая возникшую неловкость, гость все также высокопарно решил объяснить. – Простите, что свой визит не согласовал заранее... Неделю назад звонил, мне сказали, что

сейчас вы в длительной командировке, что потом вы будете сильно заняты и вряд ли удостоите чести принять меня. А раз так, то вот... и... решил без приглашения... – Фомин смотрел и продолжал, забыв про правила вежливости, молчать. – Я наслышан о вас, но не знаю, не было случая встретиться...

Наконец, хозяин нарушил «обет молчания».

– Хм... Зато, господин Колпаковский, я очень хорошо знаю – вас, но особенно отца.

Гость, чувствуя неблагожелательное к себе отношение, которое его внутренне раздражало, но терпеливо сдерживался, вновь натянуто улыбнувшись и переминаясь с ноги на ногу, спросил:

– Надеюсь, с хорошей стороны? – Фомин сделал вид, что вопрос не расслышал. После тягостной паузы гость продолжил. – Дело у меня к вам, Александр Сергеевич, наисрочнейшее.

Фомин кивнул.

– Не оставили мне выбора... А раз так... Проходите... – Детектив повернулся и направился в сторону кабинета. Гость последовал за ним. Хозяин показал на стул. – Присаживайтесь... Но предупреждаю: покороче, поскольку не имею времени. Кстати, взял за правило: любую встречу с посетителями с помощью видеокамер, установленных в моем кабинете, записывать на компьютер.

– Но...

Фомин резко прервал:

– Возражаете?

– Как бы... это...

– Ради даже вас, молодой человек, нарушать установленный порядок не намерен... Либо играете по моим правилам, либо – адью, прощаемся.

– М-м-м... Надеюсь, не будет использована во зло?

– Видеозапись, что ли?

Илья Колпаковский кивнул.

– Она самая... Тема, с которой пришел, уж очень деликатная.

Фомин усмехнулся.

– Интуиция мне подсказывает, что видеозапись мне придется удалить сразу после вашего ухода.

– Почему?

– Потому что, скорее всего, пустые хлопоты обернутся ничем. И так?..

– Ну... Хорошо... Полагаюсь на вашу порядочность, о которой много слышан.

Детектив, не имея возможности избавиться от неприятного отношения, несмотря на то, что к этому оснований не имел, подумал: «Чья бы корова мычала...» После паузы, попирая все правила приличия, буркнул:

– Слушаю.

– Александр Сергеевич, мне нужна ваша помощь...

– Какого же рода эта «помощь», господин Колпаковский?

– Проблемы в семье, знаете ли.

– Вот как? А я думал, что у богатых всегда и всё замечательно.

Илья Колпаковский, поморщившись, развел руками.

– Увы, не всегда.

– Не значит ли это, что богатые тоже плачут, но теперь уже не от недостатка денег, а от их избытка? – Фомин ядовито уколол и, похоже, укол оказался чувствительным, потому что гость вновь поморщился.

– Увы...

– Всё мне понятно...

– Но, Александр Сергеевич, я еще ничего не сказал.

– Вы сказали главное, а потому считаю возможным на этом поставить точку и попрощаться.

– Не понимаю...

– Объясняю, господин бизнесмен: семейными проблемами я вообще не занимаюсь.

– Почему?

– Неинтересно.

– Но вы хотя бы дослушайте до конца, а уж потом...

Фомин, взглянув на настенные часы, показывающие 18.00, сказал:

– Прошу уложиться в десять минут.

– Трудно... Но постараюсь...

– Пожалуйста, не теряйте время.

– Пять лет назад, когда у нас появился мальчик, все бы-

ло нормально. Я любил жену и сына, жена, как мне тогда казалось, была на седьмом небе; любые ее желания тотчас же мною исполнялись. Казалось, что еще надо молодой мамочке?.. Раньше ничего не замечал, но год назад Маринка...

Детектив, кивнув и ядовито ухмыльнувшись, опять же грубо прервал:

– Спуталась с кем-то, ведь так?

– Ну... Похоже на то... Прямых доказательств у меня нет, однако появились подозрения... Они грызут меня изнутри... Если есть у нее хахаль, то кто он? Это я и хочу узнать.

– С моей помощью?

– Да.

– Хотите поручить мне слежку за супругой?

– Да.

– А если ваши подозрения ни на чем не основаны и являются вашим большим воображением?

– Ну... Если в результате окажется, что я был не прав, то...

– У вас есть хотя бы какие-то предположения, кто может быть ее любовником?

– Грешу на предпринимателя Останина... На тусовках все время вьется вокруг моей жены... Позволяет себе публично крупные бриллианты дарить.

– Жена принимает?

– Мне кажется, даже охотно.

Фомин заметил:

– По моим сведениям Останин будет даже богаче вас.

Гость кивнул.

– Пожалуй.

Фомин неожиданно рассмеялся.

– Мы имеем то, что вашу жену перекупил ваш соперник – соперник как по бизнесу, так и по любовным утехам.

Лицо гостя побагровело, очевидно, от стыда. Отвернувшись, стал смотреть в окно.

– Обидно... Ничего не жалел, а Маринка... Предала... Переметнулась...

Фомин возразил:

– Не доказано.

– Думаете, ошибаюсь? Во мне, думаете, говорит обычная мужская ревность?

– Не знаю... Но знаю другое: женщины избалованные теряют чувство меры, начинают мечтать о большем, чем имеют. И так до бесконечности... Природа у них такая.

Мужчина понял слова детектива, как согласие заняться делом, поэтому, облегченно вздохнув, с радостью полез во внутренний карман куртки, снять которую ему Фомин не подумал предложить, достал конверт и протянул в сторону хозяина агентства.

– Вот... Фотки жены и ее предполагаемого любовника Останина... По фоткам легче будет вести слежку.

Надежда тотчас же, не разгоревшись, погасла, потому что Фомин не стал даже раскрывать конверт. Он решительно

сказал:

– Ни к чему.

– Ага! Понял: вы используете свои способы. Хорошо...

Еще лучше.

– С чего вы решили, что я уже готов заняться слежкой за вашей женой?

– Разве не так?

– Нет.

– А я подумал, что...

– Ошиблись, господин Колпаковский. К тому же я в самом начале сказал, что улаживанием семейных неурядиц не занимаюсь – не мой профиль.

– Но вы же частный детектив и...

– Все верно, однако считаю для себя позорным подглядывать за баловниками-любовниками.

– Но я же заплачу, хорошо за работу заплачу.

Фомин ядовито ухмыльнулся.

– Во сколько, интересно, оцениваете сию «работёнку»?

– В полмиллиона.

– Маловато, пожалуй.

– Ну... В таком случае... назовите вашу цену.

– Лет так одиннадцать назад мне предлагали миллион...⁴

Гость одобрительно кивнул:

– Славный кусочек.

---

⁴ Детектив имеет в виду случай, описанный в авторском криминальном романе «Смертельный нокаут», увидевший свет пару лет назад.

Фомин ухмыльнулся.

– Если при этом учесть за прошедшее время инфляцию, то...

– На пару «лимонов» потянет.

– Хм... Хорошо считаете.

– И вы?..

– Послал ко всем чертям...

Бизнесмен, округлив глаза, с удивлением спросил:

– Опасное дело оказалось, ведь так?

Фомин рассмеялся.

– Наоборот, пустое, по сути своей, дело: нанесение телесных повреждений, неопасных для жизни и здоровья. Вот и решил, предваряя судебное разбирательство, возместить материальный ущерб и моральный вред.

– Кто этот злодей, если не секрет?

– В отличие от вас, бизнесмен средней руки: всего-то владелец небольшой колбасной фабрики и к тому же на периферии. Так вот... Все больше склоняюсь к тому, что вас ждет то же самое, несмотря на более широкие ваши возможности.

– Назовите свою сумму и я...

Фомин покачал головой.

– Нет такой суммы, которая бы заставила меня копаться в грязном белье.

Фомин встал, давая понять, что отведенное время истекло. Гость тоже встал и вышел из-за стола, за которым сидел.

– Но, может, все же подумаете, и ответ дадите потом?

– Не собираюсь... Прощайте... Передайте привет папеньке, который, скорее всего, не знает о вашей затее.

– Он знает... Я советовался... Нанять частного детектива – его идея.

– Вот как? Готов выкинуть миллион, а своим рабам, работающим на него, платит копейки... Такие у наших бизнесменов приоритеты.

– Но мы много работаем.

– В поте лица, значит? Потеете, не покладая рук? Торгуете, не стыдясь, тем, что годится свиньям? Кормите продавцов, кассиров и прочий персонал обедами, приготовленными из продуктов, которые подгнили и дурно пахнут?

– Почему вы так не любите деловых людей России?

– Потому что воруют, потому что обманывают государство и нищий народ, снимая с него последние штаны. Я ответил на вопрос?

– Вы... Вы... Просто хам... Завистник... Вас жаба душил, когда видите успешных людей, которые умеют хорошо сами жить и дают возможность хорошо жить другим тысячам наемных работников.

– Это вы про кого, Илья Леонидович? Это ваши работники «хорошо живут», что ли? Это те работники, которые получают чуть больше минималки? Это те работники, которые получают даже эти мизерные зарплаты в конвертах, и таким образом вы лишаете их будущих пенсий? Это, наконец, те работники, которые не смеют против хозяев слова сказать,

потому что будут выставлены за порог и их никто не защитит, поскольку у вас все и везде схвачены?

Гость, побагровев, выкрикнул:

– Наглая ложь!

Фомин, усмехнувшись, перефразировал слова великого писателя:

– Ложь, да в ней намек!.. – Широко открыв перед предпринимателем дверь офиса, скомандовал. – На выход, господин предприниматель, и, пожалуйста, побыстрее!

Глава 3. НЕ ОЧЕВИДНОЕ покушение в центре мегаполиса

Крестины

Полдень. Только что в Ивановской церкви, территория которой примыкает к высоченному забору из бетона и витой колючей проволоки (не секретный объект, но весьма опасный, ибо там содержатся лица, совершившие злодеяния и находящиеся до суда под следствием) произошло всеми желанное священнодействие: батюшка совершил обряд крещения двухмесячного неистово верещавшего раба божия Сергия, которого счастливый дедушка Александр с первого дня именует либо важно Сергеем Максимовичем, либо просто Максимичем.

Покинув стены храма, ближайшие родственники остановились на паперти, где произошла процедура передачи теперь тихо сопевшего носиком малыша из рук крёстного (им стал брат Клашеньки) сначала в руки крёстной, то есть Юлии Фоминой, а потом уже в руки молодой матери Клавдии Фоминой.

Всеобщему счастью и погода поспособствовала: вчерашним днем до темноты дул холодный ветер и сверху сы-

пал беспрестанно мелкий дождь, а сегодня? Небеса, разделяющие, видимо, всеобщую радость, сверкали голубизной, а солнце начало припекать торжествующего вместе со всеми Александра Сергеевича Фомина так, что он снял кепку и распахнул курточку.

Народ стал спускаться по ступеням вниз. Фомин незаметно для окружающих взглянул на часы. Хмыкнув, констатировал: до застолья (а как без него?!) еще пять с лишним часов. И это значит? То и значит, что, во-первых, самому Максимычу предстоит долгий сон и ему будет не до деда; во-вторых, он, воспользовавшись паузой и массовой суматохой, имеет возможность заскочить в офис. А вдруг, подумал он, что-нибудь интересное поджидает там частного детектива, для которого даже (или, может, прежде всего?) служба на себя – наипервейшее дело, в том числе и сегодня, когда совершается столь важное для него событие, которого он так долго и с тревогой ждал. Улизнул незаметно. Там в почтовом ящике увидел уголок газеты. Достал. Оказавшись в кабинете, удобно устроившись в директорском кресле, отложил газету в сторону и задумался. Честно говоря, вовсе не о службе, а о том, как сложится семейная жизнь у сына, окажется брак браком или всё пойдет как надо – спокойно и счастливо, а там, глядишь, появится еще внук или... внучка обличем в невестку, а характером, конечно же, пойдет в Галину Анатольевну, то есть бабушку. Представив себе Галину Анатольевну с прелестной внучкой на руках, он удовлетворённо

крякнул.

– Хорошо! – громко произнес он, хотя был один на один с самим собой.

Информация

Фомин, потянувшись к телефонному аппарату, увидел небрежно брошенную на стол газету, на которую он уже давно подписан, передумал звонить. Решил (хотя бы пока бегло) пробежаться по страницам свежего номера. Не ко времени, но... Привычка – вторая натура. И с этим уже ничего не поделаешь. К тому же чутьё матёрого сыщика подсказывало: его поджидает нечто неожиданное. Впрочем, так ли уж неожиданное? Региональная частная газета «Криминальное обозрение» тем и славится, что ее журналисты не увлекаются частой беготнёй по коридорам полицейского главка, а имеют своих доверенных осведомителей, в числе которых негласно был и он, директор детективного агентства «ФАС», всякий раз преследующий прежде всего свои цели. И это не было большим секретом для всех в редакции, главным образом, для главного редактора. Как-то так получилось, что между главным редактором Муравьёвым⁵ и им, то есть Фоминым, сразу сложились доверительные отношения. Что этому поспособствовало? Он, Фомин, об этом и не задумывался. Главное ведь что? Общее дело, которому они служат. Служат оба честно и бескомпромиссно. И от этой самой «бескомпромиссности» нелегко живется обоим.

---

⁵ Один из персонажей предыдущих детективных романов «Тайна соснового бора» и «Виселица для ослушников».

Фомин вспомнил недавний визит в его офис Ильи Колпаковского. Вспомнил и поморщился. Потому что, не желая того, втянулся с этим богатеньким сосунком в дебаты. В очередной раз вынужден признать: язык его, как ни странно, – злейший враг его. Так некстати занялся обличениями. Бесспорно, обличения правдивы, один к одному касаются и других уральских бизнесменов – судьба у них общая, одна на всех, ну, или почти на всех. Нельзя отрицать, что нет порядочных предпринимателей. Наверное, они есть, но факт: Фомин пока что таких не встретил. Отсюда и соответствующий вывод. Ученые говорят, что в период первоначального накопления капиталов такое наблюдается сплошь и рядом. Как долго продлится этот «период»? Год? Десять? И не слишком ли затянулся в России? Как-никак, а минуло почти три десятка лет. Так и будем все время кивать на «лихие девяностые», ровно так, как семьдесят советских годов вспоминали и честили почему зря «проклятое наследие царизма»?..

Фомин, хмыкнув, развернул газету. Как обычно, вся вторая страница вышла под традиционной шапкой «Что? Где? Когда?» Там шли короткие информационные сообщения, то есть сухие факты происшествий в Екатеринбурге и области. Без остановки проскочил все заметки, но к одной что-то заставило его глазам вернуться. Фомин медленно прочитал заголовок: «Дерзкое покушение на убийство бизнесмена». Далее следовал текст:

«Вчера, когда этот номер готовился к выходу в свет, наш источник, заслуживающий полного доверия, сообщил: в половине девятого, когда известный на Урале предприниматель Останин подъехал к офису, что на улице Мальшева, когда покинул салон машины, по нему было произведено два выстрела (предположительно, из пистолета „Вальтер“). Останин (по счастливой случайности) не пострадал. Что это? По мнению нашего источника, версии две и обе вполне жизнеспособны: а) имела место быть инсценировка с целью привлечь к своей особе внимание и поэтому все выстрелы попали в „молоко“; б) очередная и не слишком квалифицированная разборка конкурирующих фирм. Редакция обещает проследить дальнейшую судьбу инцидента и уже в следующем номере сообщить подробности».

Фомин, дочитав до конца, почесал затылок, на котором некогда густые курчавые волосы стали его покидать и довольно-таки стремительно, потеревил мочку левого уха, покачал головой.

– Хм... М-да... Любопытная история, – произнес он вслух и замолк.

Честно говоря, так ли уж «любопытная», тем более для Фомина? Мало, что ли, повидал криминальных разборок? Никогда не встречался с инсценировками ради самопиара или еще для чего-то? Банально всё это, весьма банально. Однако тут для прожженного насквозь сыщика...

Фомин снял с аппарата трубку, набрал номер. Услышав,

что на том конце провода, готовы к ответу, сказал:

– Доброго вам дня, Георгий Иннокентьевич... Вы сможете прямо сейчас принять и уделить мне несколько минут?

Муравьев пошутил:

– Невтерпеж, да?

– Вроде того... День у меня напряженный... Семейное торжество, знаете ли...

– Что еще за «торжество»? – посерьезнев, спросил главный редактор.

– Пару часов назад проведен обряд крещения внука, а в восемнадцать банкет по сему случаю. Мне, как счастливому деду, сами понимаете, никак...

– Примите, Александр Сергеевич, мои поздравления... А если отнести на другой день, а?

– Георгий Иннокентьевич, не получится... Обещал с утра быть в Ивделе.

Муравьев удивленно спросил:

– Крутое дело, да? Что-то новенькое?

– Не совсем... Вынужден вернуться в прошлое.

Там слышался глубокий вздох.

– Когда-то там был. Тоже в командировке. Места, где ИК⁶ понатыкано...

– Да уж. Чего-чего, а этого предостаточно. Итак, Георгий Иннокентьевич, как насчет встречи, сегодня, сейчас?

---

⁶ Исправительная колония. Места лишения свободы, в которых никого, несмотря на название, не исправляют.

– Подъезжайте, Александр Сергеевич. Жду... Да...

А не связано ли посещение с предстоящей поездкой?

Фомин замялся.

– Не совсем... Главная причина в другом.

– А именно?

– Случайно только что прочитал в вашей газете одну любопытную информацию.

– А именно? Какая-то неточность, да?

– Нет-нет, что вы... Я могу быть вам полезен... Случайно, однако...

Муравьев рассмеялся.

– С вашими случайностями знаком.

– Нет, серьезно!

– Понял, Александр Сергеевич. Жду. Заинтриговали.

Детектив, положив трубку на аппарат, поморщился. Могут признать его предстоящую «акцию» за мелкую и преднамеренную месть. Ведь что подумают? Повздорил с молодым предпринимателем и вот в результате личных неприязненных отношений вылил на него ушат помоев. Противно, но... Может, не стоит так низко опускаться? Не лучше ли плюнуть, растереть и забыть? Выход, да. Тем более своих повседневных забот по макушку. С другой стороны, не бессовестно ли промолчать о том, что может оказаться полезным для общества? Скрыть информацию? Да, может, но честно ли для профессионала? Вопрос интересный и может стать предметом дискуссии.

Детектив, отбросив сомнения в сторону, встал и твердым шагом вышел из офиса.

Бомбочка

Оказавшись в редакции, Фомин огляделся. Картина обычная: за столами – ни души. Мерцают лишь экраны мониторов. О чем и сказал главному редактору.

– Все в разгоне.

Муравьев усмехнулся.

– Волка ноги кормят. До вечера не появятся. Впрочем, нет: минут через пятнадцать появится специальный корреспондент...

Фомин не мог не поинтересоваться:

– Кто такой? Я его знаю? Ему можно доверять? – Спрашивая, мысленно уже прикидывал, как он будет использовать новичка.

Муравьев улыбнулся.

– Доверять не только можно, а и нужно, Александр Сергеевич.

– Простите, как понимать?

– Я имею в виду давно известного вам Григорова...

Фомин восклицанием перебил.

– Григоров?! Женька, что ли?

Муравьев кивнул.

– Он... Вы ничего не слышали?

– Нет, Георгий Иннокентьевич... С весны, негодник, не подавал признаков жизни. Помните, как он мне здорово

помог в ирбитском деле о повешенном?

Муравьев кивнул.

– Шума было много.

– Еще бы!

– Объясню ситуацию, сложившуюся вокруг Григорова.

Провинция, понимаете ли. На своей шкуре все прелести испытал. После суда над главой администрации Староуральска, несмотря на смену руководства города, от редакторши «Городских известий» потребовали выжить правдолюбца. Может, и не потребовали, а сама редакторша проявила инициативу. Точно никто не знает. Короче говоря, обстановка вокруг журналиста сложилась ненормальная. Я узнал и принял решение: пригласил к себе. И вот он уже второй месяц мой специальный корреспондент, – Муравьев вновь улыбнулся, – как говорили в старину, «чиновник по особым поручениям».

Фомин кивнул.

– Хорошее решение с вашей стороны. Справедливое. Плохо лишь то, что Женька мне не проронил ни слова. Погодите-ка, но мне еще тогда, в Ирбите показалось, что Григоров уже в штате. Он говорил о вас так: «Шеф направил, шеф поручил». Получается, тогда еще не был в штате?

– Главный редактор подтвердил:

– Не был.

– Что-то с памятью моей... Помню: сказал, что вы командировали... В качестве специального корреспондента.

– Именно так.

– Не понимаю: как может быть специальный корреспондент вне штата?

Муравьев рассмеялся.

– Это у нас бывает и даже часто. Специальный корреспондент – это не тождественно штатному сотруднику. Просто: человек, который выполняет какое-то специальное поручение главного редактора, – вот и всё.

– Я этого не знал. Но... Почему Женька не объяснил?

– Поскромничал. Понимал, что вам не до него, что у вас, Александр Сергеевич, своих проблем воз и маленькая тележка.

Фомин недовольно покрутил головой.

– Так, всё так, но... Я должен был ему помочь, должен, вы это понимаете?

– Не переживайте. Все же хорошо... Как говорится, к полному удовлетворению сторон. Кстати, вам спасибо.

Фомин удивленно посмотрел в глаза главного редактора.

– За что, интересно?

– Как же! Благодаря вам заполучил такой ценный кадр... Проверенный, надежный кадр... Таких журналистов очень мало, очень... А, что я вам говорю. Вы и без меня это знаете!

Фомин кивнул.

– Знаю. Хотя далек от вашей кухни, но насмотрелся. Хотя бы та же Бояркина из «Уральского труженика», руками которой попытались разделаться с честнейшим следовате-

лем областной прокуратуры⁷. Да, возник вопрос...

– Спрашивайте, Александр Сергеевич. Если смогу, отвечу.

– Женька же женат, у него сын... Живет там, а работает здесь... Да, сорок километров – не двести, а все равно неудобно мотаться.

– Пока что работает в щадящем режиме, то есть может писать и на дому, каждый день не торчать в редакции.

Фомин усмехнулся.

– Это «пока», а что потом?

– Решим проблему. Трудно, но решим. Сначала Григоров собирался совершить обмен своего тамошнего жилья на Екатеринбург.

Фомин махнул рукой.

– Ерунда! За двухкомнатную там хрущевку в Екатеринбурге можно получить крохотную комнатуху, а у него ребенок маленький.

– Согласен... Поэтому выбрали другой вариант. Григоров там продает квартиру, а здесь покупает.

– Не потянет. Откуда у провинциального журналиста такие деньги при зарплате чуть-чуть превышающей минималку?

– Во-первых, у него есть кое-какие сбережения, как он говорит, на черный день. Их вложит. И плюс недостающую

---

⁷ Сыщик имеет в виду эпизод, описанный в самом первом авторском детективном романе «Псы одичалые», который также издан и доступен читателям.

сумму я ему дам, в виде беспроцентной ссуды.

– Если только так... Но ведь и у вас лишних денег нет.

– Как-нибудь выкрутимся, Александр Сергеевич, обязательно выкрутимся.

– Если бы я знал, то помог бы. Но беда в том, что все свои накопления вбухал в свадьбу сына. А до этого потратился на отдых в Севастополе. Десять лет без отпуска... И теперь сам на мели.

– Все нормально, Александр Сергеевич, не переживайте... Забудем... С чем сейчас пришли? Такое неотложное дело, несмотря на крестины внука?

– Георгий Иннокентьевич, в свежем номере опубликована заметка «Дерзкое покушение на убийство бизнесмена»...

– Так... – главный редактор достал из папки газету, развернул. – Вижу. И что в ней такого?

– Ничего, – Фомин усмехнулся, – если не считать того, что я могу высказать предположение, кто мог неуклюже стрелять в Останина.

– Неуклюже? Вы что-то знаете?

– Располагаю любопытными сведениями и они вам могут послужить... Представляете, вы первыми окажетесь ближе всего к разгадке тайны, связанной с покушением. Ни сыщики, ни следователи, ни сам Останин – никто!

– Вы уверены?

– Как никогда, Георгий Иннокентьевич.

– Как вам стала известна информация?

– Случайно, абсолютно случайно.

– Сказал по телефону и повторяю: знаю я ваши случайности.

– Но на этот раз соответствует действительности.

– Вы можете поделиться информацией, которая попала к вам «случайно»?

– А у меня к вам встречный вопрос: а вы готовы будете предать ее гласности?

– Неужели настолько страшная?

– Не столько страшная, – весело сказал Фомин, – сколько грязная.

Фомин выложил свои предположения, так близкие к реальности. Муравьев выслушал, не перебивая.

– А ведь вы правы, Александр Сергеевич: весьма и весьма любопытный сюжет для будущей публикации. Это же информационная бомба, газетная сенсация. И... Вы... Позвольте воспользоваться всеми этими фактами?

– Да, конечно.

– Постойте, – Муравьев, заслышав шаги в корреспондентской, встал. – Кажется, Григоров пришел. Пусть он и займется. – Муравьев вышел и тотчас же вернулся с сотрудником. Григоров, увидев Фомина, обрадовался встрече и попытался начать восклицания и расспросы, но главный редактор жестом остановил его. – Эмоции, Евгений, потом, а сейчас дело. Фомин познакомил меня с информацией, которая, если поработаешь над ней умело, вызовет в Екатеринбурге пере-

полох. Так что иди; Александр Сергеевич тебе повторит то, что мне рассказал.

– Извини, Жень, но у меня для повторения не остается времени. Спешу на банкет... Крестины внука. Чувствуешь, что причина уважительная?

– Но, Александр Сергеевич, как же мне быть?

– Очень просто, Жень. Я тебе передам видеозапись моего разговора с клиентом. Ты умный парень и сориентируешься быстро.

Муравьев потер ладонь о ладонь.

– Великолепно! Лучшего и не надо.

– Но, Жень, потом ты мне видеозапись вернешь такой, какой получишь. И никто, кроме тебя, запись не должен видеть. Повторяю: никто! Дело серьезное и...

– Могли бы, Александр Сергеевич, и не предупреждать.

– Согласен: мог. Но все-таки предупредил, – Фомин грустно усмехнулся. – Сам знаешь, что на притчу и грабли стреляют.

Григоров подтвердил:

– Стреляют.

Муравьев находился в приподнятом настроении.

– Вот и иди! За работу, парень, за серьезную и ответственную работу.

Григоров кивнул.

– Да... Понимаю... Все-таки, может, скажете коротко, в чем суть?

Фомин достал диск с видеозаписью и протянул в его сторону.

– Бери. Там всё узнаешь. Если что-то будет непонятно, с вопросами только к своему шефу. И вот еще что: Жень, я бы советовал тебе начать работу не в редакции, а дома – там, согласишься, безопаснее.

Григоров согласно кивнул. Фомин же окинул хитрым взглядом парня и сказал:

– У меня наклёвывается одно интересное дело, – он шутливо погрозил журналисту пальцем. – Если будешь хорошо себя вести, то допущу до секретных материалов.

– Имеешь в виду предстоящую командировку в Ивдель? – поинтересовался Муравьев.

– Нет, другую.

Григоров спросил, вертя диск в руке:

– Надо же ответить на вопрос, откуда у нас информация? Как мне быть? На кого ссылаться?

Фомин ответил вопросом на вопрос:

– Жень, мне ли тебя учить, а?

– А все-таки...

На помощь пришел главный редактор.

– Как обычно, напишешь, что информация поступила из крайне достоверного источника.

– И все?

– А что тебе еще надо?

– Понял.

Фомин, покидая кабинет, слышал, как Муравьев наставлял:

– Чем скорее напишешь, тем лучше. Будет время внимательно еще и еще с ним поработать. Имей в виду: материал в этот номер. Бомба наделает шума. Пусть. Но при этом мы не должны сами на ней подорваться. Журналисты, как и саперы, по минному полю ходят. Одно неосторожное движение или ошибочная фраза и...

Глава 4. В господских кругах поселяется тревога

Скандалисты

Вчера (ближе к полуночи) вернулся из командировки. Вернулся измотанным. Немудрено: менее чем за сутки проехал рейсовым автобусом (туда и обратно) тысячу километров. К тому же посещение двух колоний не прибавило оптимизма и ни на грамм не облегчило решение стоявшей перед ним задачи. Мог, конечно, заночевать в Ивделе: никто кнута и не подгонял. Не привык, как он посчитал, попусту тратить драгоценное время.

Появившись дома в первом часу ночи, тихо разделся, ополоснулся под душем, отказавшись от ужина (в ночную пору-то и нажираться?!), завалился в гостиной на диван (посчитал, что не следует разбивать сон Галчонку любимому), прикрывшись пледом, тотчас же уснул. Утром жена, увидев храпящего мужа (с устатку по-богатырски храпит, а в других случаях лишь легонько похрапывает), возмутилась. И когда тот проснулся и открыл глаза, устроила хорошенькую выволочку, при этом приговаривая одно и то же: «Какого черта

спешишь, старый дурень?» Муж встал, потянулся до хруста в суставах и отшутился: «Не вспоминай всеу нечистую силу, тем более с утра». Жена развела руками: «Что в лоб, что по лбу». Сказав, ушла на кухню, заняться готовкой завтрака.

Вчера порол горячку, а сегодня? Почти час вышагивает по кабинету просто так. Где логика? Не видна. Или это лишь со стороны кажется?

Наконец-таки вернулся за рабочий стол, плюхнулся в кресло, которое от такой нагрузки жалобно застонало.

– Возмутительно. – Непонятно, кого имея в виду, произнес он вслух и, взяв в руки газету, лежавшую со вчерашнего вечера, добавил. – Так... Интересно, какой получилась на выходе обещанная бомбочка. – Прочитал статью раз, потом, для большего закрепления, еще раз. После минутной паузы продолжил рассуждать. – Неплохо, да, неплохо... Муравьев – мужик ничего... Ему и сам черт рогатый не страшен... Наверное, со всех сторон наседают... В этом сомневаться не приходится, а удивительно то, что мне по сему случаю ни одна сволочь не звонит. Уж я бы отбрил. Да и Муравьев помалкивает. Значит? А то и значит, что у него все в полном порядке. Не первая и не последняя такая статья. И держится на плаву частное издание исключительно за счет правдивости.

Опять же нет в рассуждениях детектива никакой логики. Потому что газета вышла в свет только вчера и не все смогли прочесть – это раз. Сегодня, во-вторых, суббота, у мно-

гих выходной и далеко не все имеют натуру «беспокойного хозяйства», как у него. Так что наседать будут, но не ранее понедельника.

Фомин, услышав, что кто-то из посторонних появился в приемной, вышел из кабинета.

– А, привет, Жень. Раненько, не кажется? В выходной отдыхают и на диване мнут бока, а ты...

– Здравствуйте, Александр Сергеевич.

– Проходи, братец, рассказывай.

– О чем?

– О новостях, с которыми пришел. Просто от безделья не придешь. Не такой, чтобы болтовней тешиться.

Устроившись возле окна, журналист спросил:

– Вы прочли статью «О любовниках, ревнивом муже и прочем таком»?

– Прости, Жень, но только что... Закружился и...

– И что скажете? Сносно или?..

– Не то слово, Жень. Ты – молодец!

– Спасибо. Но похвала относится в большей степени к шефу. Если бы не он...

Детектив кивнул.

– Согласен.... Расскажи о реакции.

– С тем и пришел... Да... А вам не звонил разве Муравьев?

– Нет, не звонил.

– Тогда в подробностях рассказываю.

– Внимательно слушаю.

– Во-первых, в день выхода номера позвонили из следственного комитета.

– Кому именно?

– Мне... Как автору.

– Что им надо?

– То и надо: откуда, мол, получена информация? Я ответил...

– Надеюсь, достойно обладателя такого острого пера?

– Как мог, Александр Сергеевич.

– Нельзя ли поточнее?

– Сказал буквально следующее: источник, в соответствии с законодательством, вправе не разглашать.

– И что?

– Следователь угрожающе уточнил: до определенного момента.

– А ты?

– Ничего не оставалось, как заявить: только по решению суда. Если, сказал, уверены в выигрыше, то – пожалуйста, вперед. Из последующего разговора понял, что никуда и никто не собирается обращаться. Следователь лишь заметил, что будет, мол, проведена проверка.

– И ты?

– Извините, но позволил себе съязвить.

– Каким образом?

– Ну... Сказал, чтобы не забыли поблагодарить за предо-

ставленную ценную информацию.

– И... в ответ?

Журналист усмехнулся.

– Следователь притворился, как будто не расслышал... А, может, и не усёк.

– Кто-нибудь еще звонил?

– Мне – нет, а шефу – да.

– Знаешь, кто?

– Шеф проинформировал...

– Интересно.

– Из администрации области... Два директора...

– Не один, а даже два?

Григоров кивнул.

– Директор департамента информационной политики и директор департамента правоохранительных и судебных органов администрации губернатора. Как я понял, пытались, так сказать, провести разведку боем.

Детектив хмыкнул.

– Не на того нарвались. Где на Муравьева сядешь, там и слезешь.

– Вот именно, Александр Сергеевич.

– Есть еще новости?

– По поводу статьи – да.

– Поделись, Жень.

– Час назад позвонил предприниматель Останин...

Ну, тот...

– Жень, я помню. Тоже скандалил?

– Не то, чтобы... Конечно, не похвалил за то, что бросили тень на его личные дела, то есть ему не понравился намек на его амуры. Даже прозрачно намекнул, что он, если бы эта информация была ему предложена (без публикации), то он бы щедро заплатил. Однако поблагодарил за другое.

– За что же?

– Ему понравилась гипотеза газеты насчет причастности к вооруженному нападению Ильи Колпаковского, что он, как потерпевший, требует от следователя тщательной проверки этой информации. Получается, что один влиятельный бизнесмен крайне заинтересован и это нам на руку.

Детектив подтвердил.

– Это именно то, на что я рассчитывал.

– После разговора с Останиным мне стало известно (неофициально, конечно), что машина запущена и, запыхавшись, начала движение.

– Что имеешь в виду?

– К следователю приглашен на шестнадцать часов для беседы господин Колпаковский.

– Старший или младший?

– Младший.

Фомин высказал свое мнение.

– Заносчивый парнишка, но хлипкий. Если следователь поведет «беседу» грамотно и жестко, если ему удастся сбить спесь, то наш Илюшка расколется.

– Уверены?

– Конечно, потрепыхается чуть-чуть, но сдастся. Другого выхода у этого слабака нет.

Журналист засомневался.

– А что, если в ход будут пущены большие бабки?

– Со стороны семейства Колпаковских, что ли?

– Ну, да.

– Эта возможность не исключается. Но вряд ли в этом случае, когда история получила огласку, следователь пойдет на подобное.

– Вы так думаете?

– Да. Глупые следователи встречаются, но круглых дураков нет.

– Шеф предложил в этом пятничном номере сообщить во всех подробностях...

– Насчет реакции скандалистов, что ли?

– Да. Шеф считает, что читатели должны об этом знать. Предложил назвать всех, кто пытается своим авторитетом давить на газету, поименно.

– Конечно, этим нынче никого не удивишь, Жень, но вреда не будет.

– Я тоже так считаю. Ну, насчет вреда... Народ должен еще раз убедиться в том, насколько в России управляемая гласность... Вот и всё, что имею на данный час.

– Немало, Жень, имеешь.

– Благодаря вам...

– Значит, полезен тандем?

– Не то слово! Хотя... Об этом вам уже говорил и даже не один раз.

– На то и тандем, чтобы быть взаимно полезными. – Заметил Фомин, а потом поделился новинками, имеющимися на это время у него в загашнике.

Евгений Григоров тщательно записал.

– Понимаю, что рассказали для того, чтобы использовал информацию...

– Конечно, Жень.

– Будет сделано, Александр Сергеевич. Подать в том же стиле, да?

– Так, как ты умеешь. Уже говорил, но всё-таки напомним: провинциалы – не рыжие; также хотят, чтобы и им иногда раскрывали глаза на происходящее.

Григоров кивнул.

– Спасибо вам. Надеюсь, и дальше?..

– Торжественно клянусь! – частный детектив рассмеялся и погрозил пальцем. – Напоминаю: при том условии, что если и впредь будешь вести себя достойнейшим образом.

– Буду стараться. – В отличие от Фомина, совершенно серьезно ответил Григоров. После короткой паузы добавил. – Обязательный вы человек, Александр Сергеевич. Жаль только, что таких мало.

– Извини, но ты повторяешься. Полгода или чуть больше назад уже слышал и, кажется, слово в слово.

– Согласен.

После ухода журналиста Фомин вышел в приемную и, самодовольно похлопывая по широченной груди, сказал Галине Анатольевне:

– Представляешь, каков, а? Не парнишка, а клад... Повезло... На лету информацию схватывает.

– Это, своего рода, твое второе «я».

Фомин воспринял как похвалу в свой адрес.

– Редкий случай, – зардевшись, заметил он. И еще раз повторил. – Повезло.

Последовала со стороны помощницы многозначительная реплика:

– Любого расположишь и заставишь работать на себя, если... Очень захочешь и если тебе очень нужен человек.

Детектив обидчиво сдвинул все еще густящие брови.

– Голубушка, это знаете ли... На что намекаешь? На мое корыстолюбие? На мой эгоизм? На то, что использую людей?

– Не обижайся, но это факт.

– Как ты не права! Я... Разве не отзывчив, когда надо кому-то помочь? Да и Женька сам говорит, что у нас сложился взаимовыгодный тандем.

– Преувеличивает, – сказала помощница и рассмеялась.

– Да ну тебя! – в сердцах воскликнул Фомин и, резко повернувшись, скрылся в кабинете, шумно притворив за собой дверь.

Балбес

Обоим было чуть-чуть за двадцать, когда на одной шестой части земной суши развалилась «могучая империя»⁸. И кто мог тогда сказать, что пути этих парней однажды пересекутся? Никто! Что могло объединять? На первый взгляд, разве что возраст.

Семья Калиниченко – пришлая. Появилась на Среднем Урале в результате эвакуации из Харькова стратегически важного завода, где главным инженером был Калиниченко Яков Соломонович. Если верить слухам, слыл крупным специалистом в области электротехники. Неоспоримый факт: оказавшись на новом месте, через полгода стал лауреатом Сталинской премии. Сын, родившийся уже в Свердловске, пошел по стопам отца.

Закончив среднюю школу с золотой медалью, Ефрем Яковлевич Калиниченко поступил в УПИ⁹, готовивший блестящие инженерные кадры для всей страны, защитил диплом на «отлично» и был распределен на тот же завод. Вскоре в конструкторском бюро стал ведущим специалистом, а по-

---

⁸ Взял в кавычки, потому что если бы она была на самом деле настолько могучей, то в одночасье бы не распалась. Империи гибли и раньше, но, во-первых, в результате военных или иных катаклизмов, во-вторых, угасание растягивалось на века.

⁹ Уральский политехнический институт. Сейчас Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина.

том и главным конструктором. Все хорошо, семья счастлива, но за одним исключением: жена Ефрема, коренная уралочка, больше десяти лет раз за разом беременела, но не могла выносить: выкидыш следовал за выкидышем. В отчаянии были все. Но вот, уже почти под занавес женских возможностей, разродилась-таки, подарив мужу сына, а свёкру – внука. Назвали Денисом, в честь деда по материнской линии, угодившего на Колыму по 58-й и там сгинувшего.

Да, это было (на момент рождения долгожданного внука) уже полное счастье – и в семье, и на службе. Дениску холили и лелеяли. Дед, то есть Яков Соломонович, будучи на тот момент на заслуженном отдыхе, с рук не спускал. Таскал за собой и на рыбалку, и по ягоды или грибы. Разумеется, баловал: осыпал подарками.

Женская часть семьи не знала меры, восхищаясь по поводу и без повода. С раннего возраста стало понятно, что парнишка наделен природной красотой. Также стало понятно, что он капризничает и, пользуясь всеобщим обожанием, выторговывает всё новые и новые привилегии. Постепенно детский шантаж матери и бабушки стал его нормой поведения.

К десяти годам нарциссизм сформировался окончательно. Все – от маменьки и бабушки и до одноклассниц – восхищенно восклицали: «Красавчик!» Слыша это, Дениска всё больше и больше задирает нос. Материальный достаток семьи позволял пополнять кошелек юного существа карманными деньгами. Наконец, нарциссизм перерос в болезненную са-

мовлюбленность. Юный красавчик не мог поначалу знать, в отличие от старших, что деньги – это тоже зло, пожалуй, пострашнее самовлюбленности. Излишества, даже в любви, формируют определенный характер. Никто не хотел замечать, что мальчишка ленив, безответственен, капризен, как девочка, умеет настоять на своем и непременно добиться желаемого.

Денис Калиниченко с грехом пополам оканчивает среднюю школу. По настоянию семьи и с помощью репетиторов поступает в политех. Учится кое-как: на экзаменах «уды» чередуются «неудами». Если кто и всерьез недоволен подобными «успехами», то это не мать и не бабушка, и даже не дедушка, а отец: его строгие внушения дитяти, вымахавшего выше родителя, не имели сколько-нибудь серьезного значения. В конце концов, Ефрем Яковлевич махнул рукой. Он смирился с очевидным фактом, что сын не унаследовал от него ни капельки способностей, что династию инженеров не продолжит.

Однако бабушка и мать продолжали изливать на парня свою безмерную любовь, продолжая «подкармливать» великовозрастного бездельника. Когда он был пойман на употреблении наркотиков, то женщины лишь на мгновение востропились, но тут же успокоились, ссылаясь на поговорку: перемелется – мука будет.

Отец поступил сурово, строго-настрого запретив поддерживать материально: пища, одежда – да, но и только. Коше-

лек отошал до неприличия. А наркотическая зависимость уже давала о себе знать. Какое-то время Дениске верили и дружки одалживали, а потом, когда накопился солидный долг, «поставили на счетчик». Что было делать? Пойти на станцию и начать вагоны с углем разгружать? Не по статусу; грязное занятие. Время же идет, «счетчик» продолжает тикать; вот-вот и дружки начнут физическое воздействие – кулаками выбивать долг, что страшило Дениску больше всего.

И наркоман пошел ва-банк. Однажды в семью поступил звонок из милиции: при совершении дерзкого грабежа задержан студент второго курса Денис Ефремович Калиниченко.

Слава Богу, дед не дожил до этого позорного для семьи дня. Женская часть – пребывала в печали и требовала от Ефрема Яковлевича каких-то действий по спасению любимого деточки.

Необходимо заметить, что это уже были новые времена и другие возможности у отца, открывшего при родном заводе некую частную лавочку, что-то вроде дочернего предприятия по конструированию и производству бытовой электротехники, в частности, знаменитых фирменных торшеров и пылесосов, вошедших в моду и пользовавшихся у горожан ажиотажным спросом. А это значит, что, помимо должностного оклада, в его карман потекли ручьем дополнительные, иначе говоря, левые доходы. Ефрем Яковлевич, пытаясь спа-

сти сыночка, приступил к действию. Где пуская в ход авторитет, где деньги на подкуп, кое-что удалось ему сделать, но далеко не всё: судья попался неподдающийся; прокурор в судебном заседании просил применить соответствующую статью Уголовного кодекса, то есть определить наказание ниже низшего предела и, учитывая первую судимость, положительные характеристики по месту учебы и жительства, приговорить к условному сроку в три года. Суд не согласился со стороной обвинения, что иногда случается, и определил наказание в четыре года с содержанием в исправительной колонии общего режима. И тут отец не остался безучастным. Благодаря его связям, прокурор принес протест на постановленный приговор в Судебную коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда. Надзорная инстанция отклонила протест, и приговор суда первой инстанции оставила в силе.

Так что Денис Ефремович Калиниченко приступил к отбыванию срока.

Тем временем, настигла другая и куда большая беда, подкосившая семью. Она готовилась к возвращению из колонии Дениса, которого решили выпустить по условно-досрочному освобождению, засветло, у подъезда родного дома был обнаружен убитым из пистолета системы «Вальтер» Ефрем Яковлевич Калиниченко. Киллер действовал нагло и профессионально. Нагло, потому что не побоялся возможных свидетелей. Профессионально, потому что после выстрела

в область сердца сделал контрольный выстрел в затылочную часть головы и на месте оставил оружие убийства, на котором не оставил никаких отпечатков.

Последовал сильнейший резонанс в Екатеринбурге. Придворные журналисты дописались до того, что в этом преступлении увидели «длинную руку западных спецслужб». Почему западных? Потому, дескать, что их агенты давно охотятся за секретами оборонного предприятия, носителями которых являлся главный конструктор Калиниченко. Потом, когда что-то у них, то есть у шпионов, пошло не так, решили ликвидировать.

Тема выдвигалась в качестве основной, поэтому, идя на поводу у общественности, подключилось региональное управление ФСБ.

Кстати, коммерческая подоплёка даже не рассматривалась в качестве одной из возможных.

Дело об убийстве главного конструктора оборонного завода было рассмотрено в областном суде тогда, когда Денис уже был на свободе. Исходя из материалов следствия, подтвержденных полностью судом, получалось: шпиономания – это всего лишь мыльный пузырь, который лопнул в первые же дни проведения оперативных мероприятий. На самом деле, все оказалось до банальности простым: между генеральным директором завода и главным конструктором начались тёрки на почве того, что первый стал претендовать на более значительную долю, которую он определил в две

трети от доходов дочерней фирмы, а второй, то есть Ефрем Яковлевич Калиниченко, категорически выступил против. Первый стал угрожать, второй лишь посмеивался, не воспринимая всерьез слова гендиректора. Недооценил опасности. И вот поплатился.

Что же случилось с дочерней фирмой, принадлежавшей Калиниченко? Досталась третьим лицам: пока шли суды-пересуды, они ловко поработали с акционерами и убедили их о выводе спорного производства, ставшего самостоятельным, из-под крыши оборонного предприятия.

Не в коня корм. Заново испеченная фирма вскоре лопнула. Потому что новые собственники, не имея хороших инженерных мозгов, перестали думать о модернизации производства, о внедрении научно-технических новинок, а начали гонку (в результате взвинчивания отпускной цены) за сверхприбылями. Продукция, прежде шедшая нарасхват, утратила привлекательность, перестала пользоваться спросом у потребителей.

Впрочем, это уже совсем другая история, не имеющая никакого отношения к Денису Калиниченко.

Стрелок

Как и Денис Калиниченко, Михаил Кротков начал взрослую жизнь на закате советского периода. В одиннадцатом классе советской школы был старостой, а также активистом в школьной комсомольской организации. Все думали, что дальше его путь приведет в институт. Но с аттестатом в руках и блестящими характеристиками Михаил Кротков неожиданно обратился в ближайший отдел внутренних дел, где попросил направить его на учебу в Нижнетагильскую школу милиции¹⁰. После успешного прохождения медкомиссии получил направление и был зачислен. Закончив обучение, молодой лейтенант оказался в штате Среднеуральского управления внутренних дел на транспорте на должности старшего оперуполномоченного уголовного розыска одного из линейных отделов. Все гадали, что заставило перспективного парнишку совершить подобный финт? Версии выдвигали разные, но ни одна из них впоследствии не была подтверждена. Кое-что прояснилось через несколько лет, когда этот самый Михаил Кротков оказался на скамье подсудимых в качестве обвиняемого в покушении на убийство.

---

¹⁰ Тогда еще никто и в мыслях не держал, что когда-то наша милиция будет переименована в полицию, а злоязычные граждане милиционеров будут называть полиционерами, намекая тем самым на нечто среднее между милиционером и полицейским.

Как?! Староста класса и недавний комсомольский активист – злодей?! Это непостижимо, а с учетом прекрасных характеристик по службе, подписанных отцами-командирами, – вообще невозможно. Что стряслось? А вот... Из судебного очерка, опубликованного в открытой печати по горячим следам...¹¹

...Был месяц май.

От перрона вокзала станции Свердловск-Пассажирский отошел пассажирский поезд. Он отправился в свой далекий бег – до станции Приобье.

Пока что вечер. Пассажиры занимались своими делами: одни читали газеты или книги, другие играли в карты или в шахматы, третьи рассказывали попутчикам дорожные байки, четвертые подремывали, благо путь предстоял и далек, и долог.

В вагонах этого обычно беспокойного поезда царил пока покой и умиротворение. Ничто не предвещало беды. Мир царил и в вагоне-ресторане: кто пил, кто ел – каждый свое.

Вот и наступили новые сутки – шестое мая. Ночь. За окном – темень, с трудом различимы лишь мелькающие деревья да маленькие полустанки с редкими светильниками. Проехали Серов, Ивдель. Поезд все дальше удалялся от станции Свердловск-Пассажирский.

---

¹¹ Имеется в виду реальный очерк «Стрельбище в вагоне», принадлежащий перу автора этой книги и вызвавший тогда неподдельный гнев полковников и генералов МВД.

Вагон-ресторан закрыли согласно рабочему расписанию. Но в нем остались двое. Эти клиенты железнодорожного общепита не стали покидать насиженные места. Почему? В чем их отличие от других пассажиров поезда, которые тоже без всякой охоты покидали закрывающийся вагон-ресторан?

Это были люди, с которыми работники ресторана не склонны конфликтовать. Торгаши хорошо знают: хочешь жить в достатке – живи в мире и дружбе с теми, кто тебя «пасет» изо дня в день и может, при случае, присесть на хвост, крепенько прижать, лишит части доходов.

Это были их старые знакомые – капитан Михаил Кротков, старший оперуполномоченный уголовного розыска отдела внутренних дел, и старший лейтенант Юрий Павлов, старший оперуполномоченный отделения по борьбе с экономическими преступлениями того же ведомства.

Несмотря на поздний час, оперативники ели и пили, они уже приканчивали вторую бутылку водки. Плавно протекал хмельной разговор. Обо всем. Был, среди прочего, и такой...

Кротков:

– Знаешь, на севере можно очень дешево грузовую машину купить.

– А зачем она тебе? – удивился Павлов.

– Ее можно переправить в Серов, там обменять на «Жигули», а затем выгодно продать.

– Слишком мудреную операцию предлагаешь, – возразил Павлов.

– Зато надежно. Если, конечно, будем действовать в паре, – ответил Кротков. – А деньги поделим.

– Ты как хочешь, но мне что-то не хочется впутываться.

– Тебе, что, деньги лишние?

– Да нет, деньги нужны. Но... Я тебе не верю.

– Почему? – удивился Кротков.

– Провоцируешь ты меня, проверяешь. Потом «наступишь» начальству.

– Ерунда! Верь мне...

– Нет-нет, не впутывай меня. Не буду, не хочу. И отстань!

Извини, я пойду отдыхать, поздно уже.

Павлов встал, и пошел было к выходу из вагона-ресторана.

И вдруг...

– Павлов, стоять!

Тот удивленно повернулся. Из-за столика, за которым только что текла полупьяная беседа, с перекошенным лицом вставал Кротков.

– Ты чего кричишь? С ума сошел?

...О дальнейшем развитии событий лучше всего проследить по документам.

Из обвинительного заключения, подписанного следователем транспортной прокуратуры¹²:

«Кротков, имея при себе табельное оружие с полным боекомплектом, вытащил пистолет из оперативной кобуры,

---

¹² На тот момент никакого центрального Следственного Комитета, а также его низовых подразделений, в планах даже не было.

снял с предохранителя, передернул затвор. Убедившись, что патрон в патроннике, направил пистолет в область головы Павлова и с расстояния одного метра умышленно произвел выстрел».

Из показания потерпевшего Павлова в ходе предварительного следствия, когда тот смог чуть-чуть соображать:

«Кротков, прицелившись в меня, сказал: „Получай!“ Раздался выстрел. Я упал. Боли не почувствовал. Был в сознании. Кротков подошел ко мне и спросил: „Что, хватит тебе?“ Потом ушел от меня. Я стал звать на помощь, но никто не подходил».

Из показаний обвиняемого:

«В тот момент я был утомлен и пьян. Перед тем, как пойти отдыхать, по привычке решил убрать пистолет в сумку. Поэтому я вынул его из оперативной кобуры. Забыв вынуть магазин, передернул затвор, дослав патрон в патронник, произвел контрольный спуск. Произошел выстрел. Павлов, стоявший рядом, взмахнув руками, упал на пол. Выстрел произошел случайно. Моя вина лишь в том, что я неосторожно обращался с оружием».

Удобно все-таки быть обвиняемым, если до того Уголовный кодекс был твоей настольной книгой.

Знал Кротков: на его стороне некоторые обстоятельства. Во-первых, история происходила ночью, следовательно, свидетелей, как говорится, кот наплакал. Во-вторых, допущенные некоторые процедурные ошибки в ходе предваритель-

ного следствия позволили ему, Кроткову, чувствовать себя совершенно свободным. Сначала задержали, а потом отпустили, взяв подписку о невыезде.

И все же... Умысел или неосторожность? Единственный свидетель, а им оказался до смерти напуганный ночной сторож вагона-ресторана, показал:

«В момент инцидента я находился в буфете. После выстрела ко мне пришел Кротков и предложил мне выбросить с поезда Павлова. Я отказался. Тогда Кротков вновь вытащил пистолет из кобуры и направил на меня, приговаривая: „Сейчас и тебя прихлопну“. Я слышал, что Павлов зовет на помощь, но подойти боялся. Видел: Кротков готов на все. Он советовал, чтобы я, если не хочу неприятностей, дал показания, будто стрелял в Павлова какой-то неизвестный мужчина».

Из справки о результатах судебно-медицинской экспертизы:

«Павлову нанесено проникающее ранение в область шеи с повреждением трахеи, тела седьмого шейного и первого грудного позвонков, ушибом спинного мозга, сопровождавшемся травматическим шоком...»

Из заключения баллистической экспертизы:

«Представленные гильза и пуля выстреляны из пистолета ПМ-1036. Пистолет исправен. Выстрелы без нажатия на спусковой крючок произойти не могут».

Из справки начальника службы безопасности отдела внутренних дел:

«Кротков с матчастью ПМ знаком, право применения оружия знает».

В зале судебного заседания прозвучал и примерно такой диалог:

– Подсудимый, вы утверждаете, что выстрел произошел по неосторожности. Но тогда почему не оказали помощь пострадавшему?

– Я растерялся.

– Но вы не растерялись, чтобы предпринять шаги к склонению очевидцев и пострадавшего к лжесвидетельству?

– Этого не было.

– Вы полагаете, что у них есть причины оговаривать вас?

– Не знаю, почему они так говорят.

– Подсудимый, в деле есть показания сотрудников милиции, прибывших к месту происшествия, что вы уже тогда во всеуслышание спрашивали у пострадавшего, кто в него стрелял.

– Не помню такого.

– Но в данном случае ваши нарочито громкие вопросы слышали многие.

– Не знаю.

– Вы, что, в самом деле, не верили, что выстрел произведен вашей рукой и из вашего табельного оружия?

– Не верил...

...Яркая характеристика Кроткова, не правда ли? И получил свои три года (за лишение сослуживца здоровья и ставшего в результате инвалидом первой группы и навсегда прикованным к постели) заслуженно, не так ли? Отбыл давно. Конечно, на воле и в полном, в отличие от жертвы, здравии. И далее следы Михаила Кроткова в бурных водах современной России затеряны. Каков теперь его род занятий?.. Вопрос, понятно, весьма и весьма интересный. Будем думать, что исправительная колония его исправила, наставила на путь истинный, вразумила, что стрелять в себе подобных грешно.

Глава 5. Всё течет, но не всё при этом меняется

Увёртки

Он долго и мучительно, перепробовав многое в новой жизни, искал себя. Нашел-таки. Не без потерь, понятно: путь-то оказался чрезвычайно тернистым и ухабистым. Сейчас? Всё в прошлом и о нем, пережитом когда-то, старается забыть навсегда. Только вот иной раз сны тревожат. Проснется среди ночи весь в холодном поту и до рассвета приходит в себя. Хорошо, что подобного рода сновидения редки; паузы между ними становятся всё продолжительнее. Это утешает; вселяет надежды, что придет время и всё, как он любит говорить, устаканится, окончательно забудется...

12 октября. Суббота. Полдень. Солнечно. Непривычно для Среднего Урала тепло. Пожалуй, больше плюс двадцати.

К массивным металлическим воротам завода железобетонных изделий, что на окраине Екатеринбурга, подлетел внушительного вида кроссовер: не наш, а американский с угрожающим сверкающим на солнце трубчатым буфером впереди; не танк, конечно, но облагороженная танкетка – точно; столкнется с собратом, сделанным в России, и размоз-

жит так, что и не собрать.

Тормозить водителю не пришлось; створки, скрежеща, заранее раздвинулись, а потом с тем же шумом и сомкнулись. Охрана знает, кто за рулем и чья иномарка. Давно приучена к порядку. Относится с почтением к хозяину, с руки которого кормится. Бабло не ахти, с жиру не забесишься, но и оно на дороге не валяется. Да, в мегаполисе, кажется, с работой попроще, чем в провинции, но тоже найти что-то подходящее непросто. Так что поневоле зауважаешь любого, кто с голодухи (спасибо и ему) помереть не дает. Думаю, что охрана про себя подумала, покрутив недовольно головами: «Какого лешего приперся в выходной?»

Царь-машина подъехала к двухэтажному зданию из красного кирпича, приткнулась у поребрика, напротив центрального входа в заводскую контору. Открылась левая передняя дверь, и показался высокий (метр девяносто – не меньше), стройный, довольно плечистый мужчина лет пятидесяти. Барственно породист, лицом свеж и, естественно, как говорит молодежь, упакован по первому разряду, то есть на нем одежда импортная и брендовая. Я бы сказал иначе: одет с иголочки.

Хозяин захлопнул за собой дверцу. Сигнализацию не включил. А зачем? Знает, что здесь оберегать будут не в одно око. Постоял несколько секунд, а потом в контору входить не стал, а повернул налево, обогнул здание и скрылся. Решил обойти основные цехи, лично осмотреть произ-

водственные площадки, посчитал необходимым убедиться, что цикл бесперебоен, что растворные и бетонные смеси уходят, несмотря на выходной, согласно заказам, что технология производства стеновых панелей, лестничных маршей, фундаментных блоков и плит перекрытий не нарушается. За всем этим следят диспетчерский пункт, опытные и грамотные инженеры-технологи, но он хозяин и его контроль должен присутствовать везде и создавать видимость, что и он что-то в этом деле соображает. Несмотря на скудость образования (всего два курса политеха и не по этому профилю), кое-чего за прошедшие годы нахватался. Сам, да, не ах, но зато помощники что надо. И в результате предприятие не только на плаву, но и приносит солидную чистую прибыль. Чья заслуга? Его, как считает хозяин, заслуга. Мэрия города и даже администрация региона всецело на его стороне, ведь он не только умелый и рачительный хозяйственник, но и меценат: днями публично дому, где обитают малютки, подарил упаковку подгузников. У коллектива мнение прямо противоположное, но им предпочитает вслух не делиться. Кому нужны приключения?

Близкая к власти пресса пишет с нескрываемым восторгом о «бизнесмене двадцать первого века» и не смеет затрагивать вопрос, как он стал собственником? Зато на кухнях муссируется слух, что бывшее госпредприятие стало частным при странных обстоятельствах. Якобы, наверху хозяин кому-то «позолотил ручку». Кому конкретно? Доподлинно

никому неизвестно, однако весьма прозрачно намекают: позолоченной ручка, дескать, оказалась у вице-мэра Котова, того самого, который несколько лет назад неожиданно убыл в места не столь отдаленные, отчего екатеринбургская общественность долго была в шоке. Скорее всего, клевета. Конечно, надо быть богатым, чтобы выложить огромную сумму, но тут есть объяснение: после смерти отца получил хорошее наследство и его пустил в это дело. А ведь правда: отец был не бедным. К тому же единственный сын. Конечно, по закону наследницей стала и жена умершего, но она отказалась от своей доли в пользу любимца-сына. Всё так просто и понятно, что для злоречивости нет ни малейших оснований – так думают многие, но не все.

Убийственным аргументом для того, чтобы закрыть поганые рты сплетников-завистников, послужил фантастический случай.

Однажды в Екатеринбург прибыл с официальным визитом молодой, но подающий большие надежды (вскоре их оправдает на все сто) лидер основной в современной России политической силы. Губернатор решил похвастаться перед гостем, как блестяще развивается в регионе производство строительных материалов. Пример? А он всегда рядом – это тот самый завод ЖБИ. Столичный политик и начинающий государственный деятель приехал. Его провели по цехам. Посмотрел. От удовольствия языком поцокал. И сказал своё любимое кратко, но ёмко: «Круто!» Оценил, зна-

чит. Сердечно обнял успешного предпринимателя, снисходительно похлопал того по спине. Сюжет увидела вся Россия, ибо не пропустил сего события ни один телеканал – от центральных до региональных.

Это ли не высшее счастье для бизнесмена?!

Тут-то и всплывает в уме немецкая писательница Элизабет Вернер и ее роман «Заклятое золото», в котором один из литературных героев многозначительно произносит фразу, которую считаю уместным процитировать: «Кто счастлив и свободен, тому легко судить других, которые не смогли бороться потому, что у них были связаны руки».

Московский политик окончательно развязал руки моему герою, и теперь он на коне: из надежного и удобного седла его вряд ли кто-то вышибет.

М-да... Слышал утверждение, что счастье лишь тогда возможно, когда живешь в полной гармонии с самим собой. Это верно, но остается вопрос: каким путем можно достичь той самой заветной «гармонии» да к тому же «полной»? Не стану заморачиваться, отыскивая ответ на сей вопрос: пусть-ка философы, наделённые умом немереным, на досуге поломают головы...

Итак, в половине второго хозяин, закончив ревизию своего хозяйства и раздав соответствующие указания подчиненным, был в своем кабинете. Следом вошла белокурая секретарша, неся на подносе кофейник, всё ещё продолжающий бурлить, чашечку с блюдцем из немецкого фарфора, сахар-

ницу и сливочник. Поставив, не сказав ни слова, вышла.

Хозяин наполнил на две трети чашечку своим любимым напитком, положил ложечку сахара, влил свежих сливок и медленно стал размешивать.

Он был полон дум, когда вновь появилась секретарша и с порога сказала:

– Извините... Один господин... Позвонил... Просит переключить на вас...

– Кто?

– Говорит, что ваш друг...

– Фамилия?

– Не назвался.

– Что ему надо?

– Не знаю.

– Это как?

– Собирается сказать вам только лично.

– Вот идиот!.. Дел у меня других нет!

– Переключить?

Он отставил чашечку с блюдцем в сторону.

– Валяй!.. Знаю я этих друзей... Опять будут что-нибудь выханживать... – Секретарша вышла. – Я слушаю... Да... Не помню... Не знаю... Провалами памяти не страдаю... И что?.. Не обязан всякому встречному назначать свидания... Не всякий встречный, а какой?.. Да?! Через Котова?... Передает оттуда привет?.. Ну, если только так... А не разводишь?.. Ну, хорошо. Когда и где?.. Понял, знаю,

бывал не раз... И даже с ним... Он тоже любитель грузинской кухни... До встречи... Но прошу иметь в виду, что в двадцать один должен быть в семье... Не хочу тревожить... Ревнива сильно... Как и все бабы... Нет, не подкаблучник, но всё же... Повторяю: до встречи.

Положив трубку на стационарный аппарат, не обращая внимания на остывающий кофе, задумался. Первая же мысль, пришедшая в голову: не следовало соглашаться. Совершенно не знаком. Какая-нибудь пешка, наверное. Со слался на Котова, которого, похоже, знает? Его весь город знает. Зачем понадобился? О чем разговор? Может, помощь Котову нужна? Если так, не откажет. Как-никак, на добро должен ответить добром. Так не им заведено. То, что Котов там, – не повод, чтобы открещиваться. Старая, но мудрая поговорка: от тюрьмы да от сумы – не зарекайся. Надо иметь в виду, считает он, что здесь, на воле у Котова полно сочувствующих господ, по-прежнему могущественных. Не зря проходил по такой статье, а в итоге? Курам на смех! Год, другой и будет на воле. Наверняка, подведут под УДО¹³. Такие надолго там не засиживаются. Не дадут окончательно утонуть. Потому что всегда найдется тот, кто вытащит. И к тому же... Не Котову ли демонстрировать в колонии примерное поведение?!

---

¹³ Условно-досрочное освобождение. Оно возможно после отбывания двух третей определенного срока, несмотря на статью из категории особо тяжких, если иного не предусмотрено приговором.

Посмотрев в сторону остывшего содержимого кофейного прибора, хмыкнул. Встал. Наспех накинув на плечи легкую куртку, вышел в приемную.

– Уезжаю домой. До понедельника. Если что, пусть звонят на служебный сотовый. – Дошел до выходной двери, но остановился. Повернулся. – Да... Чуть не забыл... Недавний разговор с «другом» сохранен, не так ли?

– Да... А не надо было?

– Нет-нет, все правильно. Сохрани в файле и перебрось на мой личный е-майл... А у себя удали.

Секретарша кивнула.

– Понятно. Будет сделано.

– Только не забудь.

– Перебросить?

– Нет, у себя удалить.

– Забыть невозможно.

Стал вдруг оправдываться, что совсем ему было несвойственно: не тот характер.

– Понимаешь, дело личное... Не по работе... Зачем засорять?

Произнеся, вышел. Вскоре его кроссовер выехал за ворота. Его провожал пристальным взглядом, вышедший и еще с минуту стоявший охранник. Потом проверил, плотно ли сошлись створки ворот (скорее, для видимости), вернулся на пост охраны и со своего сотового стал звонить. Кому? Смешной вопрос: кому угодно. Например, собутыльни-

ку или любовнице.

Жадина

Охранник, проводивший только что кроссовер, родился с работодателем в один год, однако детство и юность его протекла, в отличие от хозяина, не в барских условиях. Откуда и чему взяться в семье работяг, где отец грузчик и каждый божий вечер в стельку пьяный, а мать штукатур и также слыла любительницей заложить за воротник? В одном лишь повезло: единственный ребенок в семье. Впрочем, не совсем так: единственного внука по линии отца обожали и старались поддержать дедушка с бабушкой. Но... Какие, позвольте узнать, такие уж возможности у простых советских пенсионеров? Смешно! Однако ко дню рождения внука выкраивали на почти заправскую машину, игрушечную, понятное дело.

Мальчишка рос послушным, исполнительным, угодливым. Всегда был готов услужить любому. Особенно, если обещали дать пару звонких монет на карманные расходы. Учился средненько: иначе говоря, звезд с неба не хватал, да и, как заметили учителя, цели такой от природы не имел. Очевидно, интуитивно в генах уже было заложено жить по принципу: в еде – потей, а в работе – мёрзни.

Еще в детстве дали знать о своем присутствии в его характере пара изъянцев, можно сказать, червоточинок.

Первая – скупость: чтобы во дворе позволить поиграть

той же машинкой кому-либо из детворы – черта с два, по этой причине в след ему обычно неслись детские голоса: «Жадина-говядина!» Пройдут годы и ему дадут меткую кликуху – «Жаба». Не в том смысле, что лицом не задался, а в смысле того, что человек, которого вечно жаба душит.

Вторая – вороватость. По мелочи, конечно. Например, у бабушки со стола стибрить тайком ватрушку лишнюю, заныкать в кармане, а потом втихаря, наедине с самим собой, чуть не лопаая от наслаждения, навернуть.

Шло время. Мальчишка вырос, стал видным парнем. Девчонки липли, но с выбором подружки не спешил. А, собственно, куда спешить и, главное, зачем? Вся жизнь впереди и наслаждаться ею по полной программе, как считал Олешек, лучше всего без хомута на шее, без удил в пасти и без ременных вожжей.

При окончании школы и после получения аттестата зрелости во весь рост встал и перед ним вопрос, кем быть? Это были времена шальные, когда всем казалось: достаточно чуть-чуть подсуеетиться, протянуть руку – и хлынет в твои карманы бабло. Слышал, что (если ты не без царя в голове) непыльное и прибыльное занятие – это служение Отечеству. Неужто собрался поступать в военное училище? Нет. С него обучения хватит, до чертиков за одиннадцать лет осточертело. Тогда в школу милиции, что ли, чтобы потом блюсти правопорядок? Нет и точка. Причина? Аналогична прежней. Зачем учиться, если к высотам не имеет стремления? А вот

быть рядовым милиционером, ни за что не отвечать, иметь права, наделенными тем самым Отечеством, быть к тому же относительно свободным – это по нему. Оклад, верно, мизерный, но зато возможности...

Именно в ту пору услышал байку, которая ужасно ему понравилась, потому что была в точку, отвечала на его заветные мысли.

...Пришел в отдел внутренних дел парень. Хочу, с порога сказал, служить у вас. Начальник отвечает: «Да ради Бога! Хоть прямо сейчас: в ППС недокомплект. Получай форму, дубинку, пистолет – и вперед!» Всё, что положено, парень получил и ушел. Проходит месяц, другой, третий. К начальнику ОВД пришел начфин и докладывает: так, мол, и так, какой уже месяц новый сотрудник не появляется и не получает денежное содержание. Начальник отдела заподозрил неладное: не протест ли это? Позвонил руководителю подразделения, уточнил, выходит ли на патрулирование означенный гражданин. Последовал ответ: выходит, служит аккуратно, замечаний не имеет. Того больше начальник удивился. Вызвал парня к себе и в лоб вопрос: почему не получаешь денежное содержание? И стал стучать по столу: я тебе, дескать, покажу, как устраивать тут демонстрации!

Парень, ничего не понимая, уставился на грозное начальство, а потом, придя в себя, тихо спросил:

- Денежное содержание? Какое еще содержание?
- Полагается.

– А я подумал...

– Что ты мог подумать, осел этакий?

– Ну... Это... Как бы подумал... Форму получил? Да. Дубинка? В руках. Пистолет на боку? Тут он. Вот и крутись... Я и кручусь, как могу, товарищ начальник, без всякого вашего содержания. Кручусь и ни на что не жалуюсь.

...Вот и появился в одном из подразделении транспортной милиции Олег. Почему не в территориальной? Никто не задался этим вопросом, поэтому ответа нет. Зачислили охотно. Рядовым. Через год стал сержантом. Учили, видимо, радение по службе, а также наличие высокого уровня образования. Как тогда, так и сейчас аттестат весьма редко встречается у рядового состава, чаще – девять классов. Собирались направить в ближайшую школу милиции, подучить малость, чтобы создать парню перспективу. Отказался и даже решительно. Даже заявил, что этого добра, то есть образованности, на его век хватит. Отступили. Но прежде чем уйти, Олежек обратился с просьбой: нельзя ли его перевести на пост досмотра аэропорта «Кольцово»? Просьбу уважили.

Так-так-так... Непонятно. Как-то не вяжется тогдашняя служба в транспортной милиции и сегодняшняя охрана частного объекта. Времени прошло, да, много, а всё же... Не о том юноша мечтал, не те цели были, чтобы к пятидесяти годам открывать на въезде ворота и закрывать. Что могло случиться? Придется прояснить непростую ситуацию. Иначе автора читатель не поймет. Итак...

Подстава

Молодой, симпатичный паренек двадцати трех лет от роду нравился многим. Как свидетельствуют характеристики (своими глазами их видел), был и тактичен, и услужлив, и требователен, и обязателен, и дисциплинирован. Лицам, не уважающим закон, спуску не давал. Ух, как он этих ненавидел! Считал своим священным долгом отчаянно сражаться с теми, кого именуют преступниками, то есть преступившими закон.

Начальство, видя этакое рвение, всячески поощряло. И хотя успел прослужить в милиции менее трех лет, похвал заимел превеликое множество.

Понятно, были редкие и робкие голосишки:

– Может, рано, а? Не испортить бы парнишку...

В ответ звучало решительное:

– Доброе слово и кошке приятно.

Скептики умолкали. А парня в результате подстерегла беда.

Из рапорта начальнику ОБЭП главного управления внутренних дел области:

«Докладываю, что в ночь с 19 на 20 марта... проводились оперативно-розыскные мероприятия по выявлению фактов мошенничества среди работников линейного отдела внут-

ренних дел аэропорта Кольцово...¹⁴»

Странно, очень странно. Для начала: наверное, всё-таки никаких фактов ни у кого не было, а была у оперативников информация стукача о неких подозрительных действиях, которые предполагалось оперативным путем, то есть негласно, подтвердить или опровергнуть. Ладно, это можно списать на безграмотность того, кто сочинял рапорт. Как говорится, топорно выразился. А вот другое неуклюжестью никак не оправдать. Потому что представители территориальной милиции залезли не в свою, так сказать, епархию, ибо они не могли не знать, что аэропорт – есть зона обслуживания транспортной милиции. По какой нужде оказались на чужой территории, даже не поставив ради приличия в известность хозяев? Непонятно. Впрочем, в какой-то мере можно объяснить, правда, вне правового поля. Дело в том, что тогда имела место ревность. Да-да, самая обычная ревность, толкающая зорко следить друг за другом, подмечать промахи соперников, при первой же возможности вставлять (ничуть не смущаясь тем, что принадлежат к одному и тому же ведомству) шпильки в задницы друг друга. У территориального органа внутренних дел к тому времени уже с месяц глаз горел на транспортников: обидели и еще как обидели! Чем же? Подло поступили по отношению к тому самому руководителю отдела, на имя которого был направлен указанный выше

---

¹⁴ Основной аэропорт Екатеринбурга и области, через который осуществляются и международные перевозки.

рапорт. В чем подлость? А вот: одним воскресным вечером тот возвращался с дачи; в электричке, будучи в дугу пьяным, стал сначала права качать одному из пассажиров, а потом и затеял драку с мордобоем. Прибыл наряд транспортной милиции. Дебошира доставили по назначению. В дежурной части составили протокол по факту пока что административного правонарушения. При составлении протокола выяснилось, что задержан высокий чин из конкурирующей фирмы. Могли бы укорить (всё-таки коллега) и отпустить восвояси, в худшем случае, брякнуть товарищам по службе и передать с рук на руки. Но нет же! Начали дознание, тем самым затеяв скандал, который просочился на страницы газет. Скандал вскоре сошел на нет, но неприятный осадок остался. Как и обида, застрявшая занозой.

Тут сигнал стукача пришелся, как нельзя, к месту. Недавний дебошир, продолжающий нести службу в том же учреждении и в той же должности, тайком решил нанести ответный удар по имиджу транспортной милиции. И нанес. Под раздачу попал Олег Исхаков, старший инспектор пункта досмотра пассажиров и их багажа аэропорта Кольцово.

...Половина четвертого. Глубокая ночь. По громкой связи объявили о начале регистрации пассажиров, улетающих рейсом Екатеринбург – Москва – Ереван. У стойки досмотра толчея. Тут же налегке некие мужички в штатском шустрят: ко всем и ко всему приглядываются, к каждому слову прислушиваются. Какая-то заминка. Пассажиры,

имеющие большой багаж (баулы буквально трещат от натуги по швам), особенно лица определенной национальности, волнуясь, шуршат денежными купюрами и между собой полупшепотом переговариваются.

Стоп! Как говорят в подобных случаях киношники, снято! Не в том смысле, что кинокадр удачно снят на пленку, а в том смысле, что шустрящие мужички зафиксировали факт дачи взятки одним из пассажиров и факт получения этой взятки старшим инспектором пункта досмотра, то есть Исхаковым Олегом Борисовичем.

Под рукой оказалась опергруппа, которая сначала задержала (уже у трапа самолета) взяткодателей, а потом и взяткополучателя. Первые тут же стали каяться, молить о помиловании, оправдывая тем, что у них имелся перегруз, что они не хотели опоздать на рейс, поэтому решили откупиться. Исхаков же, бойчась, уверенно стал отпираться; утверждать, что никаких денег в глаза не видел, что ни в какую сделку с господами из соседнего государства не вступал.

Опростоволосился парень. Имела место подстава – это ясно. Однако...

Не первый год старший инспектор по досмотру, а не досмотрел главного – того, что и сам оказался под бдительным досмотром ушлых мужичков, выполняющих спецзаказ. Понадеялся на ноченьку глухую? Хоть и была она темна и глубока, но, оказалось, не все дремлют, иные – очень даже бдят. Взяли, вот, и провели *«оперативно-розыскные ме-*

роприятия». И ведь именно в эту злосчастную смену. Могли же избрать для «акции» другого, с большим стажем и опытом, а также сноровкой по этой деликатной части, ан нет. Перст судьбы? А, может, судьба и ни при чем, а? Вдруг перст указующий принадлежал одному из сослуживцев? Обиделся – и указал. За что обиделся? Ну, мало ли... К примеру, не поделился левыми доходами. Пожадничал, и горевать, значит, нет никакого смысла. Да, бывают совпадения. Или одним везет, а другим – нут, никак. Но... Когда берут почти все, а попадается один и выглядит козлом отпущения, то в везение либо в невезение как-то верится с трудом.

Хотя... Что кулаками после драки размахивать? Попался? Значит, придется избранной судьбой жертве отвечать. Хотя жертва знает подельников, кои явно покруче будут. Однако вековая мудрость гласит: судят не за то, что украл или ту же взятку взял, а за то, что попался и не смог отвертеться. Это – великое искусство! Им старшие товарищи овладевали годами. Олежек же поспешил, ну, и насмешил народ. Однако и в этой критической ситуации Олежек повел себя адекватно. Чувствуя негласную поддержку высокого своего начальства, проявил мудрость. Вот кусочек беседы следователя с подозреваемым.

Следователь: «Как проходящие по делу улики в виде денежных купюр оказались у вас?»

Подозреваемый: «Грузчики сказали, что вещи уже в самолете. Армяне побежали, оттолкнув меня и сунув мне в руку

деньги».

Следователь: «Куда вы девали деньги?»

Подозреваемый: «Отдал коллеге, сказав, что потом заберу и с рапортом передам начальству, но мне этого сделать не дали».

Вывод: хотел поступить честно, с соблюдением должностных инструкций, но старшему инспектору по досмотру не позволили. И значит? Невиновен!

Вызывает лишь легкое недоумение то, что гражданина в форме и при исполнении какие-то странного вида лица бесцеремонно отталкивают, убегают, при этом суют какие-то деньги, а он, хлопая глазками, на все происходящее смотрит безучастно. Нет? В таком случае, почему, несмотря на спешку пассажиров поскорее сесть в самолет и улететь в свой солнечный Ереван, рвануть из кобуры пистолет Макарова, угрожая применением оружия, принудить граждан иного государства вернуться на исходные позиции, при этом вернуть презренные купюры, вызвать наряд и передать как лиц, попытавшихся дать взятку милиционеру, находящемуся при исполнении. Олежек ничего из этого не сделал. Почему? Постеснялся? Растерялся? Ну, вот, а они, мерзавцы этикие, воспользовались моментом. Обидно, конечно, но тут уж ничего не попишешь...

У следователей, особенно, если они по особо важным делам, имеется такая манера – всякое лыко вписывать в строку.

Следователь спрашивает потерпевших, ставших впослед-

ствии свидетелями по делу: «Как вы поняли, что старший инспектор Исхаков дал разрешение на проход и пронос багажа?»»

Свидетели: «Спросили, можем идти? Гражданин начальник качнул головой»»

Следователь: «И что из этого?»»

Свидетели: «Поняли, что гражданин начальник разрешил»».

Следователь: «И что было потом?»»

Свидетели: «Мы спокойно пошли на посадку. Оттуда нас вернули назад»».

Ну и ну! Зачем на службе качать в разные стороны головой? Можно сказать: мало ли по какому поводу в те минуты стала болтаться голова, например, от переутомления. Это так. И, тем не менее, на службе и при исполнении качать головой – не след. Особенно, если общаешься с южанами. Вот ведь как всё обернулось? В голове не имея ни единой черной мысли, служака-парень попал в скверную историю: южане не так поняли и охотно полезли в карманы за дополнительными денежными знаками.

Вот и вердикт суда готов: «Признать Исхакова Олега Борисовича виновным в совершении преступления...»»

...И впервые отправился парень, которому было всего-навсего двадцать три года, по этапу в северную колонию, специально предназначенную для подобного спецконтингента. На перевоспитание отправился. На перековку. Чтобы устра-

нить, говоря словами следователя, пробелы в работе по подбору, расстановке и воспитанию личного состава, допущенные командованием транспортной милиции.

После оглашения приговора начальник ОБЭП областного управления внутренних дел позвонил коллегам-транспортникам и, хохоча, прокомментировал событие весьма лаконично: «Невесткам в отместку».

Впрочем, за достоверность этого «демарша» не ручаюсь. Но слухи были.

Шантаж

Войдя в ресторан грузинской кухни «Тифлис», машинально посмотрел на часы. Хмыкнул удовлетворенно, потому что гордился пунктуальностью. Встретили два швейцара. Молодые грузины. Оба в национальных костюмах девятнадцатого века. Даже с кинжалами. Подумал: «Муляжи, пожалуй». Один из них, гостеприимно улыбаясь, поприветствовал:

– Рады видеть! Заказывали столик или отдельный кабинет?

– Приглашен, – сухо ответил посетитель и пояснил. – Назначена встреча.

Сняв модную курточку из хорошо выделанной кожи, передал гардеробщику, который, прежде чем повесить, встряхнул, сдул несуществующие пылинки. Понятно: дополнительное обслуживание требует соответствующей оплаты. Достал портмоне. Порылся в нем. Нашел и небрежно бросил на барьер полутысячную купюру: многовато, но меньшего достоинства не оказалось.

Осмотрелся. Рядом оказался дружелюбно приветствующий метрдотель всё той же национальности.

– Какой столик предпочтительнее? Может, тот, что глубоко в нише и отгорожен от зала портьерой?

Клиент отрицательно мотнул головой.

– Благодарю, но, – заметил, как из-за третьего справа сто-

лика на двоих встал мужик и направился в его сторону, – кажется, обо мне уже позаботились.

Мужик дружески взял под руки и, обращаясь уже к метрдотелю, сказал:

– Прошу не беспокоиться... Свободны... Это ко мне.

Метрдотель кивнул, извинился и занялся другим клиентом. Однако боковым зрением не перестал следить за этой парочкой. По его ощущениям (сказывался многолетний опыт), это была не встреча друзей, хотя поджидавший и явно демонстрировал (слишком уж нарочито) сердечное расположение, угодливо и суетливо устраивая за своим столиком.

Они сидели напротив. Оба какое-то время внимательно присматривались друг к другу, не произнося ни слова. Убедившись, что никогда и нигде не встречался, вновь пришедший, довольно грубо спросил:

– Что надо? Зачем представился другом? В моих списках не значишься.

У того в глазах сверкнули злые искорки, но внешне остался всё тем же.

– Ах! – воскликнул с усмешкой он. – Так, мы, значит, на «ты»? Так сразу? Пусть будет так. Я не против.

– Ждал церемоний? Не дождешься. Кто такой, чтобы... Не из моего круга... Не ровня.

Тот кивнул.

– С одной стороны, да...

– Хоть с какой стороны!

Реплика осталась не замеченной, но, окинув взглядом соседние столики, продолжил говорить гораздо тише.

– С другой стороны, мы два сапога – пара.

– Не носи чушь!

После очередной усмешки спросил:

– А иначе зачем было идти на встречу с кем попало? –
Взял меню и стал листать. – Подкрепимся и продолжим выяснение отношений. Так... Что пить будешь?

– Ничего.

– Слышал, что предпочитаешь коньяк.

– За рулем.

– Ну, знаешь ли, я тоже.

– Не пример.

– Трусишь? С чего? – мужик кивнул в сторону окна, за стеклом которого виднелась автостоянка. – На такую-то «тачку» ни одна псина не тявкнет.

– Знаю, но все равно... Не из боязни, а из принципа.

– Давно?

– Что «давно»?

– Давно стал таким принципиальным?

– Сколько себя помню.

– С памятью явно нелады, не находишь?

– Не нахожу.

– Тогда освежу память. Верну тебя на тридцать лет назад.

Итак, кем был, а?

– Студентом.

Мужик тихо рассмеялся.

– Прямо скажем, хреновым был студентом. Но я не о том.

– А о чем?

– О том, что первым в институте наркоманом был.

По лицу собеседника пробежала тень, но ответ был бодреньким:

– Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой.

Мужик, вновь усмехнувшись, отложил в сторону меню.

– Ты, как хочешь, а я всё-таки побалуюсь слегка. Не хочу обижать грузин своим отказом от их национальной кухни. – Подозвал официанта и сделал заказ. – Пару соток национальной самогонки...

Официант уточнил:

– Чачу имеете в виду?

– Да.

– На одного или на двоих?

– К сожалению, на одного.

– А на закуску?

– Фруктово-овощной салат острый «По-грузински».

– Всё?

– Еще бутылочку «Боржоми».

– А товарищ?..

Тот ответил, мрачно разглядывая что-то за окном:

– Кофе... Погорячее и покрепче.

Официант ушел. Мужик откинулся на стуле.

– Продолжим выяснение отношений. Сначала все шло хо-

рошо. Маменька и бабушка, насколько мне известно...

– Откуда?

– Неважно... Обеспечивали карманные расходы, которых на дозы вполне хватало. Узнал отец и перекрыл финансовые ручейки для бездельника. Что тебе оставалось? Начать горбом зарабатывать? Не по тебе. Ну и... Разбойное нападение и статья. Небо в клетку. Наступили серые будни лагерного быта. Всё так, «Барчук»?

Побледнев, мрачно спросил:

– Что еще за «Барчук»?

– Забыл? Лагерная кликуха твоя.

– Никогда не было!

– Не нервничай. Я ведь что? Не изверг, чтобы ворошить твое прошлое. Ты спровоцировал. Это ты решил, что мы с тобой – не ровня, что ты такой белый и пушистый, что чист, будто агнец Божий.

– Всё в прошлом...

– Черного кобеля не отмоешь добела. И ты, и я – одним миром мазаны, уголовным. И отречься от него никто нам не позволит. Ни мне, ни тебе, успешному бизнесмену. Понимаешь, «Барчук»?

– Не понимаю. Я чист перед законом... Давно... Судимость погашена... И нечего вспоминать... Не испугаешь.

– Не забывай, «Барчук», что есть еще наши законы, а они не имеют срока давности.

– Да пошел ты! – «Барчук» выказал намерение встать

и покинуть ресторан.

– Сидеть! Уйдешь, когда я тебе разрешу. – Прошипел мужичок.

– Что мне сделаешь? Я не какой-нибудь урка. Уважаемый человек... У меня друзья...

– Друзья? Но они не знают, кто ты есть на самом деле. Но это пока. А могут узнать такую хотя бы деталь, что ты в СИЗО был ответственным за «парашу», что тебя в колонии опустили на второй же день. – «Барчук» побледнел. – Ну, каково, а? Не сладка правда? Спесив, а с чего?

«Барчук» униженно спросил:

– Что тебе от меня надо?

– Одно: жить по понятиям, если хочешь выжить в этом суровом мире. Мы – одна семья и должны друг другу помогать

– В чем?

– Во всем, «Барчук», буквально во всем.

– Я не бедный и...

– Хочешь откупиться?

– Почему бы нет?

– Бабло – само собой. Даже не обсуждается.

– Сколько надо, чтобы оставил меня в покое?

– Не только в деньгах наше счастье. Мне понадобился такой помощник, как ты. С твоими связями и с твоим потенциалом.

– Помощник? Ни за что! Снова попасть в колонию? Спаси и сохрани!

– Почему обязательно в колонию? Необязательно. Помощь-то может быть и в рамках закона. Да и если все пойдет по понятиям, то в беде тебя наши не оставят. Вытащат. Отец твой не мог полностью тебя отмазать, а наши это делают легко.

– За кого меня принимаешь?

– За своего, «Барчук», пока за своего.

– Никогда! Завязал с прошлым, навсегда завязал.

Мужичок саркастически ухмыльнулся:

– Ну и лгунишка!

– То есть?

– А ты вспомни вице-мэра.

– Никогда не забывал.

– Тем лучше. Кстати, шлет оттуда тебе привет. И считает, что ты не подведешь его.

– Не подведу.

– Да, напомни, сколько положил ему на лапу, чтобы заполучить завод? Кругленькую сумму, не так ли?

– Не твое дело.

– Конечно, не мое. Но Котова, который на следствии о тебе не упомянул, твое «доброе имя», которым ты кичишься, не замазал, прямым образом касается. Вот какая тут штука.

– Спасибо ему.

– Спасибо – не диво, «Барчук». Должен напомнить: ты, если полиции станет известно, как взятодатель подлежишь такой же уголовной ответственности, как и вице-мэр. Так что

у него все позади, а у тебя еще впереди. Чуешь, разницу? Не тебе говорить и не мне слушать, что «давно завязал».

– А сам-то?!

– Но я, в отличие от тебя, ни слова не сказал про завязку.

– Не знаю, откуда у тебя информация, но явно ты шантажируешь... Возможно, на пустом месте. Что касается Котова... Если он лично попросит, помогу всем, чем смогу.

– Считай, что я встречаюсь с тобой от его имени.

– Так и поверил.

– Придется поверить. Другого варианта у тебя нет. И еще: напомнить, благодаря чему и кому ты вышел по УДО?

– Благодаря хлопотам отца.

– Лжешь! Ты отлично знаешь своих покровителей. Да, годы прошли, но не все ушли в мир иной. Есть люди, которым не безынтересно было бы узнать подробности. Представляешь, что они с тобой сделают? Превратят из уважаемого бизнесмена лепешку.

– Ладно... Я спешу... Говори, что конкретно тебе надо и расходимся.

– Не здесь... Выйдем...

Мужик допил остатки чачи, доел салат и чуть ли не под руку с «Барчуком» покинул ресторан.

Там, поняв, что от него надо, перепугался и решил дать задний ход. «Барчук» вынул из нагрудного кармана мощный айфон, показал мужику.

– Гляди, он был включен с момента выхода из ресторана.

Твое «задание» записал. И теперь наши роли поменялись, точнее, наш счет равный. Как тебе, так и мне выгодно молчать и разойтись как в море корабли. Навсегда разойтись.

Мужик лишь покачал головой.

– Какой же ты подонок! Извини, но придется принять решительные меры.

– Какие еще «меры»?

– «Барчук», ты подписал себе смертный приговор. Он будет приведен в исполнение... Если не мной, то другими. Жди!

Он резко повернулся и скрылся в темноте.

Остался вопрос: прозвучала реальная угроза или это мужик брал на понта, блефовал?

Недоумения

Вернувшись домой, «Барчук» поужинал и укрылся в кабинете, предупредив жену, чтобы они с сыном его не доставали, оставили на какое-то время наедине с самим собой.

– Проблемы? – ничуть не удивившись, спросила жена. – На заводе что-то не так?

Не ответив, все с тем же каменным лицом встал и покинул столовую.

Дело обычное. Жена знает, что приставать бесполезно: все равно тисками не вытянуть из него даже слово. Когда муж не в настроении, то лучше ей и уже взрослому сыну держаться от него подальше. Впрочем, сын и без того живет своей жизнью. Вырос молчуном. Пошел в отца. Квартира шикарная, роскошно обставлена, но семейного тепла в ней нет. Лет пятнадцать назад искала теплоту в объятиях любовника, а теперь? И это в прошлом. Потому что на сорокалетнюю тётку даже, кажется, после вмешательств пластического хирурга и даже за деньги никто не глядит. Мужу подавай что-нибудь юное и свеженькое.

Жена, вспомнив слова, ставшие поговоркой, что «богатые тоже плачут», грустно усмехнулась, собрала со стола грязную посуду, побросала в посудомоечную машинку, оставила на завтра: придет прислуга и перемоет.

Муж, тем временем, сидел в глубоком кресле перед буб-

нящем о чем-то телевизором, не вникая ни во что, погружен в то, что произошло больше часа назад в ресторане «Тифлис». Встреча, по меньшей мере, для него выглядит странной. Не может понять, зачем туда потащился? Он, предприниматель, который с себе равными не всегда идет на контакт, а тут? Чем мог зацепить новоявленный и совершенно ему неизвестный «друг», что согласился на встречу? Нет у него объяснений. Хотя... Он сразу догадался (хотя бы по манере общения), что дневной звонок из того мира, с которым давным-давно не имеет ничего общего. Завязал и из головы навсегда выкинул. Был убежден: все, что тогда было, имеет свой срок давности. Верил в это, надеялся. В первые годы по возвращении, конечно, подкатывали, напоминали, однако он отшивал всех. Никому не оставлял надежд, что от кореша что-то перепадет. Отстали. Как он считал, о нем забыли. Верно, забыли, но оказалось, что не все. Кое-кто держит в памяти и вот...

Что за хмырь? Роемся в памяти и не находит. На лица у него память отличная, поэтому уверен: лицом к лицу не встречался никогда – ни в СИЗО, ни на этапах, ни в колонии. Нет сомнения, что на «зоне» побывал и даже, пожалуй, не раз. Кто такой? Назвался кликухой «Котяра». Соответствует. Пушистеный, мурлычет, а как глубоко коготки вонзает. Надежно, казалось, взял. В последний момент идея пришла: подловить и на шантаж ответить своим шантажом. Получилось, кажется. Ушел с перекошенной харей. Так ему

и надо. Будет знать, с кем связался. Кому угрожал? Ему, у которого в приятелях и люди в погонах?! Только им намекнет и навсегда отучат.

«Барчук» считает: то хорошо, что хорошо кончается. Больше, пожалуй, «Котяра» не сунется. И другим закажет.

Однако недоумения остаются. Откуда у него информация? Случайно услышал? Не может быть! Напугал. В натуре, за такое – «перо» в бок и айда под траурную музыку на кладбище. Да, сохранил самообладание, когда «Котяра» намекнул на УДО, но чего ему стоило? Может, проверял? А вдруг всего лишь брал на понта? Не прокатило. В этом случае – да. Но вот по части вице-мэра... Трудно согласиться, что от его имени подкатил. Если нет, то откуда информация о сделке между ним и Яковом Львовичем? Никто третий не может знать то, что происходило с глазу на глаз, тем более эта шавка. А если?.. Нет-нет, не может быть! Просто не может и всё! Хотя... Ведь Якову Львовичу теперь уже ничто не грозит. Пять эпизодов, вмененных ему по приговору, или шесть, если прибавить его случай, ничего не меняет. А вот его положение другое. Его, если вице-мэр даст еще одно признательное показание, захочет заговорить и вскрыется, легко могут взять, как взяточдателя, за задницу и припаять червонец. Нет, не заложит его Яков Львович. Он в нем уверен.

Потом «Барчук», встав с кресла, выключил телевизор и зачем-то промычал вслух:

– Трус не играет в хоккей.

Глава 6. Странные происшествия воскресным днем

ВЫЗОВ

Сразу после завтрака жена пристала и ближе к полудню добилась-таки от мужа (прежде поотнекивался, конечно) согласия, как она сказала, прошвырнуться по бутикам.

Сын к этому времени уже уехал тусоваться на своей личной машине «Volvo» темно-вишневого цвета и грозился появиться дома лишь ближе к полуночи. Учится в университете, но, как когда-то отец, через пень колоду. Отец, купив себе современный кроссовер, свою машину «Volvo» передал в пользование сыну. Как и отец, ленив. Как и отец, в свои молодые годы, имеет постоянные карманные деньги. Как и отец, любит тусить с себе подобными бездельниками. Правда, пока не курит, не злоупотребляет спиртным и не балуется, как кажется родителям, наркотиками. А это, как считают родители, для семьи благо.

Денис Ефремович был уже у порога и держался за дверную ручку, когда зазвонил стационарный телефон. Подождав в надежде, что перестанет трезвонить, несколько секунд, вернулся все же и снял трубку.

– Слушаю... Так... Все ясно... Черт вас всех побрал... Для чего держу вас, дармоедов, а?.. В печёнках вы все... Ну, ладно... Еду... Минут через десять-пятнадцать, если не попаду в пробку.

Бросив трубку на аппарат, повернулся к жене.

– Еду на завод... Там какое-то происшествие...

– А я?

– Не ребенок. Обойдешься.

– Не подкинешь сначала меня, а потом и...

– Нет. До торгового центра рукой подать – три остановки на трамвае.

– Я? И на трамвае?! Вот еще...

– Тогда закажи машину через Яндекс-такси.

– Сделай сам, а?

– Барыня, что ли? Не торгуйся. Руки есть, голова, вроде, на своем месте. Чего еще надо? Все! Исчезаю.

Жена прищурилась и ехидно спросила:

– А не от бабы звонок?

Отвечать некому, так как муж уже за дверью. Денис опытным путем знал и понимал: эта тема может отнять немало времени и длиться бесконечно долго.

Разборка

Предчувствуя неприятности, начальник охраны, прибывший на завод первым и уже вошедший в курс дела, стоял перед хозяином и переминался с ноги на ногу.

– Докладывай, что случилось?!

– Понимаете, Денис Ефремович...

– Нет, не понимаю.

– Старший караула Исхаков час тому назад отправился с осмотром территории и обнаружил, что створка окна, что с тыльной стороны вашего кабинета, распахнута.

– И что? Взял бы и закрыл. Руки отсохли, что ли?

– Ну... Это... Наверное, не отсохли... Подошел...

– И что?

– Исхаков увидел, что стекла в окне выдавлены и... Есть явные признаки проникновения внутрь.

– Зачем?

– Не знаю.

– Кто?.. Из своих?

– Не думаю.

– Как чужак мог попасть на охраняемую территорию?

– Дежурный на проходной уверяет, что мимо него и мышь не проскользнет. Клянется своей матерью.

– И ты поверил?

Начальник охраны согласно кивнул.

– Поверил.

Денис Ефремович съязвил:

– Свои не должны, чужаков не было, а кто тогда? По шучьему велению всё произошло? Сказочным образом?

– Нет, но... Думаю, что кто-то через забор перемахнул... Только вот не могу понять, с какой целью?

Хозяин взглянул на бетонный забор в три метра высоты и покачал головой.

– Нет, невозможно... Ладно, пойдём и посмотрим. Кстати, что говорит конторский вахтер на входе? Проспал? Впрочем, сам его спрошу? – Они вошли. Вахтер вскочил и вытянулся перед хозяином. – Ну, рассказывай, старик?

– А что рассказывать, а?

– Разве на твоём объекте все в порядке?

– Никак нет.

– Как ты мог не слышать звон разбитого стекла?

– Не слышал.

– Как так?

– Народ нынче ушлый... На всё способный.

– Ты, часом, не спал?

– Никак нет.

– Когда заступил на дежурство?

– В восемь утра.

– Принимая дежурство, объект осмотрел?

– Так точно. Но я же только за внутренность отвечаю. Тут все нормально. Все двери осмотрел. Все двери были закры-

ты.

– А внутрь заходил?

– Никак нет. Не полагается. Только при пожаре разве что.

– Никуда не отлучался?

– Как можно!

– Оказывается, можно.

Хозяин подошел ближе к старику.

– Ну-ка дыхни?

– Фу! Несет как из пивной бочки. Теперь понятно.

– Это с выходного не выветрилось. С утра – ни капли.

Денис Ефремович заметил, как при этом суетливо забежали глаза вахтёра и всё-таки, безнадежно махнув рукой, пошел в сторону своего кабинета. За ним последовал и начальник охраны. Открыл своим ключом дверь приемной. Осмотрелся. Очевидно с первого взгляда, что здесь никого из посторонних не было. Покачал головой. Всё свидетельствовало о том, что злоумышленник проявил интерес только к его кабинету. Что ему там понадобилось? Ведь в его кабинете ничего ценного нет. Техническая документация? Но кому она интересна? Он ни космическими, ни цифровыми технологиями не занимается. Промышленный шпионаж в его случае отдыхает. Железобетон и в Африке всего лишь железобетон, но не более того. Открыв ключом дверь своего кабинета, вошел. Обвел внимательным взглядом. Констатировал: порядок. Всё на своих привычных местах. Даже многочисленные мебельные шкафчики задвинуты. Подошел к окну,

через которое ветер с улицы раздувал шторы. Он не специалист, но даже ему понятно, что забрались оттуда, снаружи. Но... Что людям понадобилось? Может, думали пожить-ся, а ничего не обнаружив, тем же путем, то есть через окно, убежали. Возможно, шалость детей?

Начальник охраны спросил, виновато заглядывая в глаза начальству:

– Будем вызывать полицию? Все-таки проникновение было – факт налицо.

Денис Ефремович скривился.

– А что мы скажем?

– Ну, вот... На подоконнике отчетливые следы рук и подошв... Пусть занимаются.

– Не стоит. Ущерб копеечный. А вот шумиху поднимем немалую. Это мне надо? Нет! А вот, – он погрозил начальнику охраны пальцем, – насчет твоей службы придется сделать выводы. Вся смена будет за четвертый квартал лишена премиальной надбавки. Будете знать, чем и как следует заниматься на службе.

Начальник охраны лишь глубоко вздохнул, понимая, что это не та беда, которой следует страшиться. Он-то ожидал худшего.

Хозяин, раз уж оказался на территории завода, решил пройтись по цехам. Не повредит. Пусть рабочие и инженеры видят, что он начеку даже по воскресеньям.

Он был на растворном узле, когда позвонила жена и спро-

сила, когда он собирается домой? Понял, что ей надо. Сухо ответил: «Не скоро». Жена попыталась похвастаться покупками, но муж отключился. Спыхватился: не спросил, почему позвонила не со своего айфона. Перезванивать не стал. Скорее всего, подумал он, зарядка закончилась.

Тревога

Хозяин готов был покинуть территорию завода и даже запустил двигатель, но зазвонил его айфон. Причин для испуга не было, но он почему-то вздрогнул. Ответил, не мешкая:

– Да... Он самый... Не может быть... Так... Вы, значит, на месте и?.. Понял... Еду... Надеюсь, дождетесь?.. Воскресенье. Улицы свободны. Надеюсь быть через четверть часа.

Кроссовер, моментально набрав большую скорость, вылетел с территории завода.

Вот Денис и во дворе своего дома. У подъезда – машина Росгвардии с не выключенными мигалками. На тротуаре – собралась толпа. Увидев Дениса, толпа перестала шушукаться. Взбежал на второй этаж, повернул налево, рванул дверь и оказался в прихожей.

Прапорщик, первым встретивший хозяина квартиры, спросил:

– Вы кто?

– Калиниченко.

Прапорщик, посмотрев в какую-то бумагу, которую держал в руке, спросил:

– Денис Ефремович?

– Он самый.

– А чем можете подтвердить? Извините, лично не знаком.

– Паспорт дома, а вот водительское удостоверение, – до-

став из нагрудного кармана, протянул в его сторону, – пожалуйста.

– Так... Ясно...

– Для вас, возможно, и ясно... Что здесь произошло?

– Сработала охранный сигнализация... Дежурный по пульту направил наряд... И мы прибыли. Входная дверь оказалась открытой, точнее выражаясь, полуоткрытой. Ворвались... Но в квартире никого не оказалось. Пришлось звонить вам... Наш визуальный осмотр показал, что в помещении порядок. Возможно даже, что похищения чего-либо не было. Впрочем, вы хозяин и вам лучше знать. Осмотрите, пожалуйста, сами квартиру... Результат мне нужен для рапорта.

Денис Ефремович, прежде чем приступить к осмотру, поинтересовался:

– Сколько времени прошло?

– Не понял.

– Ну, с момента срабатывания охранный сигнализации и до момента вашего прибытия?

– Двадцать восемь минут.

– Многовато. В договоре прописано предельное время пятнадцать минут. Если бы не тащились со скоростью черепахи, то кого-нибудь и застали бы в квартире.

Прапорщик виновато заморгал.

– Извините, но на перекрестке улиц Малышева и Восьмое Марта произошло ДТП. Убедившись, пришлось выпи-

сать приличный крюк.

Денис Ефремович обежал все помещения, бегло осмотрев, вернулся.

– Беспорядка не увидел. Вся техника, а она дорогая, на месте.

Прапорщик кивнул

– Мне тоже так показалось.

В это время за окном послышалось тархтение машины. Хозяин подошел, раздвинул шторы и выглянул.

– Полиция! – Он повернулся к прапорщику и, насупившись, спросил. – Кто вызвал?

– Согласно установленной инструкции: я, убедившись, что факт проникновения в квартиру в момент отсутствия хозяев имел место, позвонил.

– А не следовало прежде согласовать этот момент со мной? Как-никак хозяин я и мне решать...

Прапорщик покачал отрицательно головой.

– Полагается информировать по горячим следам. А потом, когда всё выяснится, вам решать, следует или нет заниматься розыском злоумышленника. Тем более, что мы не сумели предотвратить и, согласно договору, вы вправе будете предъявить к нам иск по возмещению материального ущерба, а данный иск будет принят нами лишь после официального заключения органов.

В прихожей послышались шаги:

– Что произошло?

На голос вышли прапорщик и хозяин. Они увидели капитана полиции довольно преклонного возраста и с ним двух молодых парней-лейтенантов.

Прапорщик по-свойски ответил:

– Квартира находится под охраной. Сработала сигнализация на проникновение посторонних. Мы выехали и вот...

– Понятно... Кто владелец помещения? Ему сообщили?

– Я – к вашим услугам, – ответил, внимательно рассматривая неказистую фигуру капитана полиции Денис Калинин-ченко.

Капитан спросил:

– Где могу присесть для составления протокола?

– Может, не стоит, а? Обойдемся без формальностей.

– Как так?

– Ущерб не нанесен. Всё на месте. Даже замки входной двери, как мне показалось, в порядке. С моей стороны претензий не будет.

Прапорщик запротестовал.

– Нет-нет! Потерпевшая сторона сейчас может что угодно говорить, а, спустя время, всучит нам иск.

Капитан кивнул.

– Естественно. В запале такие дела не решаются. – полицейский повернулся к Калининченко. – Вот видите, гражданин... Заинтересованные стороны не пришли к соглашению и значит... Займемся делом.

Хозяин показал в сторону просторной гостиной.

– Прошу.

Капитан выбрал кресло, стоящее рядом с мраморным столиком, плюхнулся в него.

– Ого! Утонуть можно. Итак, ребята, свои обязанности вы знаете и пошли вперед. Будьте внимательны. По итогам – с вас рапорты. А я займусь протоколом.

Лейтенантов как ветром сдуло. Один из них (судя по всему, сыщик) вообще покинул квартиру, а другой стал рыскать по многочисленным комнатам (все свидетельствовало о том, что это эксперт-криминалист), присматриваясь и приглядываясь ко всему, особое внимание обращая на двери, ручки, поверхности столиков, тумбочек и полов.

Тем временем, капитан заполнял протокол. На все вопросы к хозяину получил исчерпывающие ответы. Капитан явно обрадовался, и облегченно вздохнул, когда еще раз услышал подтверждение со стороны потерпевшей стороны, что, судя по всему, из квартиры ничего не исчезло.

– Почему? У вас есть мнение на этот счет?

– Сигнализация, которой не ожидали, вспугнула.

– Вариант не исключается.

– А где сейчас находятся другие члены семьи?

– Жена шныряет по торговому центру и, пожалуй, вот-вот появится; сын где-то тусуется и раньше полуночи ждать не приходится.

– Понятно... Уж очень всё смахивает на инсценировку.

Хозяин готов был решительно возразить, но, услышав

в прихожей стук женских каблучков, сказал:

– А вот и жена, так сказать, собственной персоной.

В гостиной действительно появилась жена.

– Дениска, что в квартире происходит.

Муж усмехнулся.

– Ничего особенного. Небольшой переполох наделала сработавшая сигнализация. Прибыла охрана, а потом и полиция.

– Ах! Боже ты мой! Мои украшения! – Она исчезла в своей спальню комнате и тут же вернулась с узорчатой шкапулкой из уральского малахита. Распахнув крышку, переворотив содержимое, обрадовалась. – Целы! Какое счастье! – Успокоившись, унесла украшения и, вернувшись, спросила мужа. – Что-нибудь украли?

Денис отрицательно мотнул головой.

– То и удивительно, что нет.

– Ладно. Вы тут разбирайтесь, а я пойду к себе и сделаю пару звонков.

Жена ушла, но появился сыщик. Капитан вопрошающе посмотрел на него.

– Лейтенант, есть что-нибудь существенное?

– Немного.

– Коротко!

– Со слов соседки, когда сработала в квартире напротив сигнализация, стала ворчать по этому поводу, а потом подошла к дверному глазку и посмотрела. Увидела, как из квар-

тиры какой-то мужик стрелой (так соседке показалось) вылетел из квартиры и, тяжело топая ботинками, сбежал вниз.

Дознаватель спросил:

– Сможет узнать?

– На этот вопрос ответила отрицательно. Промелькнул, мол, и был таков. Разрешите спросить потерпевшего?

– Спрашивай.

Сыщик положил перед Калиниченко ключи.

– Ваши?

– Нет, конечно. Они в кармане. Пришел, дверь была не заперта. – Достал и показал. – Вот они.

– Но ключи болтались снаружи, торчали в одной из замочных скважин, – заметил сыщик. – Может, жены или сына?

Денис Калиниченко отрицательно мотнул головой.

– Их ключи выглядят по-другому. Они с брелками, а эти, как видите...

– Значит, злоумышленника. Так спешил, что и про ключи забыл. Какую улику оставил. Дилетант!

Появился эксперт, который возразил:

– Не скажи! Так поработал, что никаких отпечатков не оставил. Даже от обуви.

Сыщик удивленно посмотрел на криминалиста.

– Как это удалось? В такой спешке и...

– Перед тем, как покинуть помещение, он всё, к чему прикасался, тщательно протер. Так что никаких отпечатков, даже хозяйских, я не обнаружил. Кстати, в прихожке видели

брошенную еще влажную лентяйку?

Хозяин подтвердил:

– Действительно... Я как-то не придал значения.

– Ею были стерты следы от обуви, не оставить которые было на паркете невозможно. Следы есть, но они оставлены уже нами, охраной и хозяевами.

Дознаватель слушал и ничего не мог понять, поэтому спросил у хозяина:

– А где храните запасные ключи?

– К каждому замку был комплект из пяти ключей.

Дознаватель кивнул.

– Значит, у вас один комплект, у жены второй, у сына третий. Где же остальные?

Денис встал, сходил в кабинет, вернулся, побрякивая ключами.

– Вот они.

– Но здесь четвертый комплект. Не хватает пятого. Где он может быть, не помните?

Появилась хозяйка. Услышав вопрос капитана, укорила:

– Денис, ты забыл, что ли? У тебя на работе...

– Ничего не забыл.

Дознаватель уточнил:

– Как давно вы пользовались тем комплектом, что храните на работе?

– Не помню... Думаю, что никогда: не было необходимости.

– Как думаете, пятый комплект не могли похитить?

– Не могли. Считаю, что ключи, оставленные злоумышленником, самоделка.

– И это возможно, – согласился эксперт и взял ключи. Тщательно осмотрев, заключил. – Ключи оригинальные. Конечно, нужен лабораторный анализ, но я прав на девяносто процентов, что заводского производства.

– Жаль... – Капитан покачал начавшей лысеть головой. – Сегодня воскресенье и придется оставить этот факт до понедельника. Завтра будет ясно, с вашего рабочего места или нет этот комплект.

Денис возразил:

– В чем проблема? – Взял свой айфон и набрал номер. – Слушай, старина: сходи в мой кабинет... Обыкновенно... Ты дежурный вахтер или я?.. Ну, вот... Возьми ключи и... Да, разрешаю... В верхнем ящичке письменного стола, слева должна лежать связка ключей... Других там нет... Посмотри, на месте или нет.... Я жду... Да... Как это нет, если всегда там были?.. Может, под бумагами?.. Внимательно осмотрел?.. Ну, ясно, – Денис отключился. – Фантастика: пятого комплекта на месте не оказалось. – Он еще раз повторил. – Фантастика.

Капитан резюмировал:

– Всё предельно просто: ключи были похищены. Остается лишь выяснить: кем именно? И тогда наступит ясность. А вам, гражданин Калиниченко, придется поменять замки,

ибо ключи побывали в руках злодея и он мог с них заказать копии.

Жена, все это время молчавшая, подошла к столику, за которым сидел дознаватель, осмотрела поверхность. Потом повернулась к мужу и спросила:

– Ты ничего со столика не убирал?

– А что?

– Перед уходом я на столике оставила айфон, твой подарок. Забыла.

– Так вот почему мне звонила с простого сотика. Я еще удивился.

– Исчез! Вот зараза! Чтоб руки отсохли. Аппарат последней модели. Более ста тысяч его цена.

Дознаватель уточнил:

– А вы точно помните, что с собой не брали? Может, взяли, но карманники вытянули?

– Хорошо помню. Я еще вспомнила, когда вышла из подъезда. Хотела даже вернуться. Но примета нехорошая.

Сыщик заметил:

– Странный грабитель... Очень-очень странный... Айфон забрал, а драгоценности нет. И вообще больше ни на что не позарился. Может, для грабителя именно этот айфон и был интересен?

Сыщик недоверчиво покачал головой.

– Скорее всего, просто, без всякого умысла прихватил. Как говорится, жадность фраера подкузьмила.

Капитан фыркнул, как рассерженный кот, которому случайно наступили на хвост.

– Хотя... Всё с этим случаем выглядит не по-настоящему, как-то искусственно. – После паузы продолжил. – Если нет у сторон возражений, прошу подписать протокол.

Хозяин поинтересовался:

– Какие последуют действия?

– Со стороны полиции, что ли?

– Да.

– Получу «добро» сверху и направлю материалы в Следственный комитет. Там изучат и примут соответствующее процессуальное решение. Варианта два: либо откажут в возбуждении уголовного дела (ущерб, как сами видите, незначителен), либо всё-таки будет делу дан ход. Я же на этой стадии умываю руки. – Посмотрев в глаза Калиниченко, вдруг спросил. – А для вас какой вариант более предпочтителен?

– Первый.

– Причина?

– Та, которую вы уже назвали.

– Интересно... Да... – Капитан потер ладонь о ладонь. – Может возникнуть одна загвоздочка: согласится ли охрана.

Прапорщик на это сказал:

– Моему начальству в голову не залезешь... Оно в принятии решений обычно непредсказуемо, но. Позволю высказать предположение: если потерпевшая сторона письменно подтвердит об отсутствии претензий, то...

Калиниченко, не раздумывая, прервал:

– Могу... Хоть прямо здесь и сейчас. – Дознаватель в который раз удивленно посмотрел в глаза Дениса Калиниченко, на что тот усмехнулся. – Не удивляйтесь: бизнес любит тишину, а поэтому дешевая шумиха вокруг моего имени только мне во вред.

Говоря это, он про себя подметил, что отказывается от услуг полиции за сегодня уже во второй раз.

Прояснение

После ужина Денис Калиниченко укрылся в кабинете. От кого? От жены, конечно, которая подступала то и дело с расспросами. Он же не горел желанием обсуждать с глупой женой детали домашнего происшествия и отвечать на ее глупости собственными глупостями.

Поначалу хотел было включить телевизор, но передумал, ибо в этот день и в это время по всем каналам транслируются, по его мнению, идиотские шоу, рассчитанные на дурачье, к которому себя он не причислял. Подошел к небольшому бару, где за стеклом виднелись разнокалиберные бутылки. Открыл левую дверцу. Задумался: английский виски, венгерский бренди, крымский коньяк? Выбор пал на второе. Достал, на две трети наполнил пузатую рюмку из чешского стекла, прошел к креслу и, удобно устроившись, закинув ногу на ногу, занюхивая лимоном, наслаждаясь его ароматом, стал медленно, небольшими глоточками тянуть напиток.

Тихо в кабинете. Сидит и прокручивает в памяти события воскресного дня. Денис согласен с сыщиком, назвавшим грабителя странным. С одной стороны, как будто профессионал: вон, как тщательно замел за собой следы. С другой стороны, дилетант: имея хотя бы пару мозговых извилин, должен был предугадать насчет того, что квартира зажиточного человека может быть поставлена на сигнализацию, которая

наверняка сработает и устроит переполох. Второе, правда, может списать на то, что нападение на квартиру было спонтанным, заранее незапланированным. Злодей явно спешил, но зачем; что подталкивало пороть горячку?

Это далеко не единственный вопрос, беспокоящий Дениса. Почему, например, забрал айфон жены стоимостью в какие-то сто тысяч, а ее украшения в два «лимона» с гаком не тронул? Ради завладения именно этим айфоном проник и, заполучив желаемое, смылся? Но затея явно не стоит того. Рисковать только ради этого? Глупо!

Увы, нет у него объяснений. Хотел бы найти, однако в голове на этот счет нет ни одной умной мысли. Чепуха какая-то! Скорее всего, да, именно всё чепуха, но в таком случае другой вопрос: почему это мелкое происшествие его так тревожит, не оставляет в покое и даже, честно говоря, пугает? Да, он знает о себе всё, готов сам себе признаться в природной Ахиллесовой пяте – маниакальной трусости, однако... Во всем надо знать меру, тем более, далеко уже не подросток, перевалил за пятый десяток, состоявшийся и совсем не бедный (наконец-то!) предприниматель, способный купить самого алчного местного чиновника.

Он не заметил, как после очередного глотка бренди вслух повторил слова сыщика:

– Странный грабитель.

Денис тут же ловит себя на мысли, что не единственный. Разве меньше странного в случае проникновения се-

годня через окно в кабинет? Что характерно, тогда ему казалось, будто это было случайностью, поскольку ни на что злодей не позарился. Относил даже на счет подросткового озорства. А вот сейчас возникло новое обстоятельство: таинственное исчезновение хранившихся в кабинете запасных ключей от квартиры. Кто и когда их похитил? Денис убежден в одном: о ключах мог знать лишь тот, кто работает в его подчинении. Допустим, один из дежурных вахтёров, или один из охранников на проходной. Его замы? В это трудно поверить. Тем более, что у них своих ключей от директорского кабинета нет.

Как бы то ни было, но факт: ключи исчезли и объявились сегодня. Злодей их оставил и это выглядит также по-дилетантски. Счастье его, что он, Денис, вынужден, чтобы не выносить сор из избы, не раздувать скандал, замаять историю. А то бы...

Что касается истории на работе, то он просто так ее не оставит. Он предпримет меры, чтобы докопаться и ответить на вопрос, кто украл ключи. И виновному не поздоровится. Пусть даже не рассчитывает на снисхождение. Раз и навсегда отобьет охоту зариться на чужое. Да, но... На что позарился? Не на айфон же!

Денис встал. Взял опорожненную рюмку и снова наполнил. Сел. Отпил чуть-чуть и отставил.

Вот говорят, что самостоятельно побороть алкогольную зависимость невозможно. По его мнению, враньё. Он-то уже

не меньше двадцати лет не злоупотребляет, хотя его возможности велики. Он, более того, может выпить, но всегда в меру, максимум раз в неделю и не более двух рюмок. А ведь благородные напитки имеет не только в домашнем баре, но и на работе, в служебном кабинете. «Завязал» и с наркотиками. Вообще больше не употребляет, даже легкие. Сказал однажды сам себе «нет» и на том поставил жирную точку. И тяги никакой не испытывает.

Сюрпризец

Денис встал, подошел к панорамному окну. Поток машин сбавил свою мощь. А вот пешеходов стало несравненно больше. Наступило время старческого променада. Обратил внимание на входящую в моду «шведскую ходьбу». Где-то читал: полезно для здоровья; якобы, весь организм получает равномерную нагрузку.

За его спиной зазвучала мелодия «Подмосковные вечера». Он знает, кто звонит. Взял свой айфон. На дисплее высветился абонент.

– Что надо, Свет? Со всеми переболтала, теперь и моя очередь?

В айфоне послышался хриплый мужской ржачь, а потом последовал вопрос, заданный испитым голосом:

– Светка – это твоя жена или любовница? – Денис сразу не понял, в чем дело. Как говорит молодежь, не врубился. Повисла пауза. – Ало, чё молчишь? С радости или с горя? – послышался прежний ржачь.

И пришло просветление: звонок-то с похищенного айфона. Значит? Звонит злодей. Не ожидал, что так скоро заявит о себе. Первое, что подумал: «Вот Светка обрадуется, если только злодей согласится вернуть за вознаграждение». Чтобы не вспугнуть, спросил, придав голосу равнодушные нотки:

– Ты кто?

Последовал вопрос на вопрос и всё тот же ржачь:

– Хочешь, чтобы представился, значит, по всей форме?

– Желательно.

– Полноправный гражданин Российской Федерации.

– И... все?

– Мало, чё ли?

– Ну... Хотя бы имя...

– Ха-ха-ха! – хрипло рассмеялся мужик и потом весело спросил. – А ксерокопию паспорта не потребуешь?

– Нет, – серьёзно ответил Денис. – А... Как оказался у тебя айфон моей жены, не скажешь?

– Чё, баба-растеряха?

– Нет.

– Ага! Понял! Кто-то стырил эту крутую штуковину!

– Разве не ты?

– Не промышляю. Не хочу оказаться в тюрьге. Тянет на статью крупное хищение... На червонец, пожалуй. Мне достаточно того, что уже имею за плечами.

– Ты ушел от ответа, – напомнил Денис.

– Какого?

– Повторю: как оказался у тебя айфон моей жены, не скажешь?

– Подфартило.

– Объясни.

– Полчаса назад... Роюсь в контейнере и тут вижу неболь-

шой пластиковый пакет. Залез, а там – штуковина эта. Подумал: не фурычит, поэтому выбросили. Попробовал включить. Дисплей засветился. Вот, черт, фурычит. Обрадовался. Давай рыться в последних контактах. Нашел. Контакт обозначен, как «Денис». Ну, дошло: или муж, или любовник. Вот и набрал... Ты ответил.

– Понятно.

– Думаешь, сочиняю?

– Не думаю.

– Прежде чем позвонить, раздумывал.

– О чем?

– Стоит ли объявлять? Не лучше ли будет загнать по дешевке? Решил: вернуть по принадлежности – от греха подальше. Полиция загребет и начнет шить дело. Потом доказывай им, что не верблюд.

– Так... Мудро решил... Значит, готов вернуть айфон?

– За вознаграждение, – уточнил мужик.

– Само собой. Догадываюсь: в бабках испытываешь нужду, если по контейнерам шарисься.

– Полоса невезения.

– Когда можешь вернуть?

– Прямо сейчас... Знаешь, трубы раскалены.

– Сочувствую... Сам проходил когда-то через всё это.

А ты далеко?

– Антона Валека, пять.

– Ого! В доме крутые живут... Получается, что аппарат

нашел в твоей мусорке... Я рядом.

– Отлично, подходи к третьему подъезду. Я сейчас спущусь.

– А... Ну это самое... Не обманешь? «Ментов» не натравишь?

– Плохо думаешь о людях.

– Богачи – такие сволочи... За рубль жаба начинает душить.

– Не все...

– Посмотрю.

Денис вышел из кабинета, чем привлёк внимание Светланы, которая, выглянув из своей спальни комнаты, спросила, подозрительно разглядывая мужа:

– Куда?

– На минуточку.

Увидев, что муж даже не накинул легкую курточку, успокоилась, но спросила:

– С кем так странно разговаривал? Я слушала, но не поняла.

Денис недовольно махнул рукой и вышел, не заперев дверь на замки.

Через пару минут вернулся. Жена продолжала стоять в дверном проеме.

– Ну, что?

Он протянул в ее сторону довольно грязный пластиковый пакет.

– Бери и успокойся.

– Что это?

– Твой айфон.

– Как?!

– Молча, Свет, молча.

Сказал и вновь скрылся в своем кабинете. Чтобы не торкалась и не наседали с расспросами, дверь закрыл изнутри на защелку.

Глава 7. Хвосты полковника полиции

Разглагольствования

Для большей мужской части россиян всякий понедельник является днём тяжелым, что помечено даже устойчивой поговоркой, но только не для Александра Фомина. Не надо думать, что он ангел во плоти и на дух не переносит спиртное. Нет, он никогда не отказывается, как он любит выражаться, хлопнуть пару стопок в праздничек да в хорошей компании, в кругу закадычных друзей, с которыми можно поговорить по душам, а вот один, тихо сам с собою и без весомого повода – никогда, ни грамма. Почему? Считает извращением, которое присуще алкоголикам. Многие это мнение не воспринимают, но Фомина не тревожит; что-то и кому-то доказывать не собирается.

Вчера детектив позволил себе расслабиться. Решил воскресенье посвятить заслуженному отдыху: поваляться на любимом диване и попялить глаза в экран телевизора. Не тут-то было! Жена, увидев бездельничавшего мужа, быстро запрягла: затеяла в квартире генеральную уборку и привлекла в качестве помощника. Муж чуть-чуть поворчал: зачем, дескать

уборка, тем более генеральная, если в квартире мусорить сейчас некому и поэтому идеально чисто; некому, мол, таскать грязь, если они приходят домой лишь переспать, а дочурку, которая на преддипломной практике, вообще не видят; куда правильнее, вместо уборки, сходить и попроведать внука. Жена и слушать отказалась. С женой (ему ли не знать?!) бесполезно спорить: упрется во что-то – и ни с места. Словом, с утра и до вечера (с коротким перерывом на обед) пластались. Не удалось поваляться на диване? Да, но зато квартира блестит. Даже ему стало приятно. Странно то, что он взбодрился, настроение подскочило и даже после ночи, проведенной без единого сна, что бывает крайне редко, ни на градус не понизилось.

Словом, бодр, как никогда. Загадка? Да нет: по мнению Галины Анатольевны, дело в том, что смена рода занятий всегда благотворна. На то и жена, чтобы на всё иметь аргументы...

Он стоит у зеркала, что в офисной прихожке. Видит себя и сам себе ухмыляется, озорничая, подмигивает. Поправляет всё еще густой и по-прежнему жесткий чубчик. Тихо, чтобы не мешать канцеляристке работать с документами, мычит:

– Мы грустим, седину замечая... Время не щадит... Да... Посеребрила виски седина... Действительно, старик...

Галина Анатольевна прерывает:

– Чего хотел? – перефразировав слова советской песни,

добавила. – Быть вечно молодым? Не бывает.

– Но хотелось бы, сударыня.

– Мало ли... Хочется, да, увы, не может... Хватит вертеться перед зеркалом... Что на тебя нашло? Не барышня.

Фомин тяжело вздохнул и отправился в кабинет, где его ждут неотложные дела. Устраиваясь в удобном кресле, в очередной раз подумал: «Надо завязывать... Сейчас бы рвануть (вместе с генералом¹⁵) на любимый пруд... Посидеть, не думая ни о чем, на берегу, потрепаться ни о чем серьезном, половить лещей или даже яззей... Перед ледоставом – самый клёв, а недельки через три, когда воду скует уральский мороз, придет для рыбака мёртвый сезон».

Лирика могла продолжаться и дальше, но, прислушавшись, понял, что в приемной – посетитель.

– Доброе утро, Галина Анатольевна... Шеф у себя?

По голосу узнал: свой человек. Значит, можно расслабиться. И, придав важный, то есть начальственный вид, не пошел навстречу, а остался в своем кресле и стал ждать.

– Здравствуйте, Александр Сергеевич.

– А... Это ты... Присаживайся... Давненько не заглядывал...

– Ну, конечно... К вам заглянешь... Как же...

– А в чем проблема?

– Не шутите! Разве застанешь на месте?

---

¹⁵ Имеется в виду генерал в отставке П. П. Чайковский, давний друг детектива, один из героев предыдущих детективных романов.

– А современные средства коммуникации? – Он специально любит иногда щегольнуть казенными словечками.

– Ну... Общение живьем ничто не заменит... Извините, что без предупреждения.

– Это формальность... Забудь.

Посетитель возразил:

– Не формальность, а элемент воспитанности. Нельзя вот так врывать и...

– Повторяю: забудь... Рассказывай, что нового?

– Хотел бы от вас...

– Увы, – частный детектив театрально развел руками, – с моей стороны, ничего существенного. Но как только что-то будет прорисовываться, то тотчас же... Ничего не утаю от тебя.

На лице журналиста появилась саркастическая ухмылка.

– Так-таки и «ничего»?

– Как всегда.

Журналист рассмеялся и уточнил:

– И не «всегда», а иногда; вместо «ничего», кое-что. Это будет вернее.

– Не цепляйся... Так, есть новости или?.. Пришел, чтобы из меня то самое «кое-что» выудить?

– Ну, вы, наверное, в курсе, что по делу о покушении на жизнь бизнесмена Останина следователь копает. Вы оказались правы...

– Насчет чего?

– На первом же допросе Илья Колпаковский сломался. Стал каяться. Вы как в воду глядели: мужичок хлипкий.

– Так ведь вижу на корню гнильцу. Сколько людей прошло.

– Отец рвет и мечет. Использует всё свое влияние. ТорМОЗИТ, конечно.

– Был в редакции?

– Приходил.

– Что хотел?

– Подробностей не знаю, но по отрывочным фразам нашего шефа могу судить: начал с угроз, заявив, что если газета не перестанет мусолить тему, якобы, покушения его сына, то он раздавит как клопов и останется от нас лишь мокрое место.

Фомин усмехнулся.

– И как? До смерти, наверное, напугал главного редактора?

– Еще чего! Муравьев – с железной волей.

Частный детектив кивнул.

– Да, но по узкому и острому лезвию ножа ходит. Я бы на его месте...

Журналист возмущенно воскликнул:

– Вы?! Пошли бы на попятную?

– Наверное.

– Это же чушь, Александр Сергеевич! Чтобы вы и прогнулись?

– Что я? Кто я? Обычный человек.

– Если бы я вас не знал!..

– Не будем обо мне... Тем все и закончилось?

– Нет. После кнута Колпаковский-отец решил поманить пряником.

– Что еще за «пряник»? Хотя бы пышный?

– Наверное. Пообещал: если мы замолчим, то он выступит спонсором газеты и внесет в качестве поддержки солидный куш.

– И что Муравьев?

– Похоже, показал миллиардеру кукиш.

– А в поддержке вы нуждаетесь.

– Журналист кивнул.

– Да, но смотря от кого. Я полностью на стороне главного редактора, который не признает поговорки, что деньги не пахнут. Пахнут, еще как пахнут!

– Кстати, с новосельем. Слышал, что имеешь свое жилье в Екатеринбурге.

– Спасибо... Опять же благодаря Георгию Иннокентьевичу...

– Знаю.

– Справлять новоселье не стали... А то бы вас обязательно пригласили.

– Я понимаю...

Детектив, прощаясь с журналистом Григоровым, предложил тему для интервью.

– Был в Ивдельском районе. Могу предложить заготовку. – Рассказал в общих чертах. – Согласуй с Муравьевым. Если одобрит, то я скину на твою электронную почту.

– Одобрит, конечно, одобрит. Хотя бы потому, что мы на севере бываем редко.

– Понимаю, но, Жень, будем действовать по порядку.

На том и сошлись.

Бартер

Сделав пару важных звонков (в обоих случаях никто не ответил), запустил компьютер, вышел в Интернет, открылась страничка его электронной почты. Среди разного мусора (так и не может понять, как и откуда берутся эти почтовые рассылки) увидел только-только пришедшее письмо от журналиста Григорова. Открыл.

«Согласовал с главным, – писал он. – Не возражает. Да и странно было бы, если б стал возражать. Жду, короче, интервью. Если успеете, то появится в ближайшем номере: материалы уйдут в печать не позднее четверга – это день вёрстки. Значит, мы имеем два с половиной дня».

Щёлкнув опцию «ответить», Фомин сообщил двумя словами:

«Приступаю. Постараюсь».

И тотчас же, чтобы ничто не мешало сосредоточиться, вышел из Интернета. Создав новый текстовый файл, задумался.

Хотя всякий раз Григоров расточает по части его писанины восторги, но факт остается фактом и он это понимает как никто другой – писарчук из него, мягко говоря, никудышный. С формой (вопрос – ответ) еще ничего, а с содержанием... Нет, он знает, о чем должен рассказать интервьюируемый и о чем лучше ему умолчать, а вот как изложить, чтобы было попонятнее читателю, – с этим всегда

испытывает затруднения. Нет, он также понимает, что если что будет не так, то журналистская рука поправит, но он не хочет парню создавать лишние затруднения, если без них есть возможность обойтись. Галина Анатольевна часто корит, что он бессовестно эксплуатирует молодого журналиста, причем, безвозмездно. В глубине души с укоризнами жены согласен, чувствует себя неловко, потому что всякий труд должен быть оплачиваемым, но частично. Потому что готовы возражения: у детективного агентства «ФАС» в лице Фомина, с одной стороны, и редакции газеты «Криминальное обозрение» в лице главного редактора Муравьева, с другой стороны, имеет место быть взаимовыгодное сотрудничество. Разве не так? Да, он не имеет возможности оплачивать журналистский труд, однако он, Григоров, выступая фактически в качестве автора газетного текста, получает гонорар и, стало быть, труд в какой-то мере не бесплатный, однако и редакция, используя его, как ценного информатора, ничего не платит, хотя нынче информация зачастую больших денег стоит. И получается: так на так, иначе говоря, никто и никому ничего не должен, потому что выгода взаимная, своего рода, бартер между деловыми людьми.

Как Фомин ни старался, но на этот раз сосредоточиться не получалось: мысли, цепляясь одна за другую, разбредались то в одну сторону, то в другую.

Чертыхнувшись, встал и вышел в приемную. Подошел к столу помощницы и устроился напротив. Помощница ра-

ботала над каким-то документом и постоянно, хмурясь, качала головой; упавшая на лоб начавшая сесть прядь волос перемещалась в такт то влево, то вправо.

Наконец, Галина Анатольевна оторвала взгляд от монитора.

– Что-то хочешь сказать?

– Да... Нет... Ничего... Пришел просто так... Решил полюбоваться деловой женщиной.

– Скучно в одиночестве?

– Скука меня дома не застанет...

– С чем приходил Григоров?

– Так, сударыня... Можно сказать, повидаться.

– И ты, как всегда, нагрузил его.

– Не то, чтобы... Так... Чуть-чуть... Основную ношу всё-таки взвалил на себя. – Он повернул голову влево и увидел, как мимо окна, выходящего на улицу Шевченко, прошел мужчина в полицейской форме, свернув за угол дома, где офис агентства, скрылся. Воскликнул по-мальчишечьи. – Алёшка, черт!

– Который? – спросила помощница.

– Самарин, – ответил Фомин и вскочил, да так стремительно, что стул опрокинулся и грохнулся на пол.

Полковник

Самарин уже стоял, улыбаясь, в прихожей.

– Что за шум, а драки нет?.. Здравствуйте, господа!

Фомин, не давая опомниться, потащил гостя в кабинет.

Усадив за стол, спросил:

– Какими судьбами? Удивлен... Не виделись...

– Да, время летит быстро... Почти год прошел с момента страшной развязки Ирбитской трагедии. Чем занимаешься сейчас, Александр Сергеевич? Как здоровье?

– Ничего, Алексей... Как говорится, с Божьей помощью копчу небо... Как дела у Курбатова?

– На мой взгляд, прекрасно. Правда, – Самарин усмехнулся, – изредка хандрит. Говорит, что пора уходить, что всё надоело. Не верю, что всерьез.

Фомин кивнул.

– Рано. Парень в самом соку.

Самарин рассмеялся.

– Какой же он парень? Скоро пятый десяток пойдет.

– Смотря что и с чем сравнивать. Вот я...

– Да ты, Александр Сергеевич, по-прежнему могуч и любому башку свернёшь.

– Нет, Алексей, уже силы не те... Помаленьку сдаю.

Самарин вновь рассмеялся.

– Да-да!.. Так отразил нападение полицейского-топтуна

в Ирбите, помнишь, что до сих пор с содроганием вспоминает¹⁶.

– Погорячился... Не стоило... Можно было обойтись по-деликатнее.

– Не смейся, Александр Сергеевич! Получил он по заслугам.

– Кстати, по-прежнему служит?

– Нет. Уволен из органов. Одновременно с покровителем.

– Если бы не ты, Алексей, то вывернулись бы.

– Благодаря тебе, Александр Сергеевич, а мой вклад до чрезвычайности скромнен.

Фомин, усмехнувшись, процитировал Крылова:

– Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку.

– Но правда же!

– Возможно. Постой-ка... Что я вижу? Вот старый черт, а?!

– Не понимаю. – Самарин насторожился.

– Надо же быть таким невнимательным! – воскликнул Фомин. Встал, вышел из-за стола. Самарин также встал. Наставник по-мужски крепко прижал к себе ученика. – Рад, очень рад за тебя. Давно?

– Ах, это... Месяц назад... С приказом долго в Москве мурыжили. По слухам, в кадрах МВД был человек, близкий к бывшему начальнику УВД Ирбита.

---

¹⁶ Самарин намекает на историю, которая описана в предыдущем детективе «Виселица для ослушников», который издан в начале 2019 года.

– Это всё объясняет... Эх, вот бы посидеть в ресторане, как в старину, да пропустить пару-тройку рюмашечек хорошего коньячка, так сказать, обмыть третью звездочку.

– Нет проблем, Александр Сергеевич. Выкраивай в своем плотном графике день и... Ты, я и Алёшка Курбатов... А? Фомин покачал головой.

– Я что? Мне проще – не подневольный. А вот вы... Как совместить наши желания с вашими возможностями? Проблема!

– Ничего, Александр Сергеевич! Согласуем.

– Хорошо бы... Есть о чем поговорить, есть что вспомнить.

САМАРИН

Фомин вернулся за стол и с минуту молчал. А потом, протяжно вздохнув, качнул неопределенно головой.

– Вот так... Ученики превзошли, можно сказать, обскакали своего учителя... Полковники уже, а там и до генеральского мундира рукой подать.

Полковник Самарин шутливо спросил:

– Уж не зависть ли гложет?

– Что ты! Нет-нет, нисколько... Так и должно быть... Это очень правильно... Совсем плохо, когда наоборот. Вот я... Не оправдал надежд своих наставников... Застрял на одном месте... Подполковником и то чудом стал... Пришел опером и ушел им же... Не чем гордиться...

– А учениками?

Частный детектив утвердительно кивнул.

– Разве что.

– Это немало, Александр Сергеевич.

– Пожалуй.

– А сколько авгиевых конюшен почистил за четверть века?

– Не сосчитать, Алексей. Но это не то, чем можно гордиться. Рутина... Чистильщиком до сих пор остаюсь. – Он потер ладонь о ладонь, потом пощипал мочку левого уха и стал смотреть в окно, стекло которого стали омывать дождевые

струи, шустрými змейками стекая вниз. Потом, резко изменив тему, спросил. – В чем дело?

Самарин удивленно посмотрел на Фомина.

– Не понял.

– Не ради же трепотни пришел...

– Захотелось встретиться, во-первых...

– Предположим, что это правда. А во-вторых?

– Ну...

– Не стоит нукать... Говори прямо.

– За помощью пришел...

Фомин прервал:

– Не чуди, Алексей! Чем может помочь отставник, из одного неприличного места у которого песок сыплется?

– Не прибедняйся, Александр Сергеевич.

– Не буду... Слушаю...

– Если позволишь, начну издалека.

Фомин коротко хохотнул:

– Как тупой студент на экзамене...

– Не понял. Я, что ли?

– А то кто же?

– Почему студент, к тому еще и тупой?

– Студент на экзамене. Выбирает на столе билет. Читает

вслух вопрос:

– Социально-экономическое положение современной Франции.

– Так-с, любезнейший, – говорит профессор, – слушаю.

– Товарищ профессор! Прежде чем рассказывать о Франции, я поделюсь своим мнением о её соседке, многовековой сопернице Англии.

– Понял намёк... Постараюсь только по сути говорить... О нашумевшем деле, по которому проходил вице-мэр Котов Яков Львович, ты слышал...

Детектив кивнул.

– Лишь краем уха. В детали не вникал. Знаю, что осужден. Признан виновным в заказном убийстве и, очевидно, отбывает срок.

– Всё именно так.

– В чем проблема, Алексей? И причем ты, если, как я понимаю, это уголовное дело проходило не по твоему ведомству?

– Ты прав, но и мои ребята в процессе проведения оперативных мероприятий не дремали. Мои ребята имели основания подозревать, что имеет место быть и другая уголовная составляющая, связанная с этим господином, а именно: коррупция, в частности, предоставление услуг за определенную мзду.

– И что?

– А то, что это уже по моему ведомству.

– Понимаю. Рассказывай дальше.

– Мои ребята стали копать, углубляться в тему. Появились серьезные подозрения. Доложили мне. Я пошел к генералу, чтобы поставить в известность о вновь открывшихся обстоя-

ательствах и получить совет, как нам действовать дальше.

Фомин усмехнулся.

– И генерал, конечно, похерил.

– Не совсем.

– А именно?

– Отмахнулся. Действуй, сказал он, как знаешь. Что мне оставалось делать?

– Плюнуть и забыть.

– Не шути так, Александр Сергеевич.

– Больше не буду.

– Я посидел, подумал и решил ознакомить со своими оперативно полученными данными следователя регионального управления Следственного Комитета.

– Что он сказал после знакомства?

– Сказал, если коротко: его поджимают сроки, и он не имеет права затягивать далее следствие, а затягивание обязательно случится, если он, следователь, приобщит и такую трудно доказуемую статью, как дача и получение должностным лицом взятки.

– Следователя понять можно: с глаз – долой и из сердца – вон. Значит, отправил тебя не солоно хлебавши?

– Точно так.

– Ах, как мне всё это знакомо! Ну, и чем я могу тебе помочь?

– Например, советом.

– Чего-чего, а советчиков у нас море.

– Александр Сергеевич, а как бы ты поступил на моем месте, если бы оказался в аналогичной ситуации?

Фомин хмыкнул.

– Оказывался и много раз.

– И как?

– По-разному.

– Никогда не поверю, чтобы ты, зубы вонзив в дичь, ее выпустил на волю.

– Не забывай, Алексей, про мой статус. Да, я был ищейкой, но той самой ищейкой, от которой мало что зависело. Я, получив команду «Фас!», брал, но потом получал другую команду «К ноге!». И, как хорошо выдрессированное животное, обязан был отпустить, при этом недовольно рычал, скалил зубы. Зверел, но поделаться ничего не мог.

Самарин кивнул.

– С этим понятно. Плетью обуха не перешибешь. Но... Как поступал с добытой информацией?

– Обычно упрятывал в глубокий загашник. До лучших времен. Они иногда наступали, вытаскивал на свет божий информацию...

– Как это случилось в Ирбите с наркоторговлей.

– Да. Пришлось ждать десять лет, но вот взял-таки за жабры и тут не вывернулись. Должен признать: не без твоей активной помощи. Так бывает не всегда. Чаще всего материалы оставались невостребованными и уходили в небытие. И уголовники уходили от возмездия, а некоторые даже поднима-

лись высоко и оказывались во власти. Я знал, но они были ищейке не по зубам.

– А мне что посоветуешь?

– Мне кажется, ученик знает решение проблемы. И это решение правильное. Ты чувствуешь, что не все возможности использовал. А если так, то мой совет очень прост: вперед! Ты не новичок и сам знаешь, что дорога к правде и справедливости всегда терниста.

– Возникли сложности.

– Например?

– Если бы в рамках того уголовного дела, то Котов повел бы себя так, как ведет себя тонущий, который ни о чем другом не думает, а лишь о том, как бы спасти свою шкуру, самому выплыть, даже за счет других.

– Это так.

– Теперь же, когда Котов получил свое и о снисхождении (статьёй больше, статьёй меньше – не велика теперь разница) думать ему не приходится. И вопрос: с какой стати сотрудничать осужденному по более тяжкой статье со следствием? Никакого резона. А в таком случае вопрос дачи взятки доказать будет трудно.

– Да, Алексей, трудно, но вполне возможно. Тем более, что, как я понял, твои ребята продолжают сидеть на хвосте у взяткодателя.

– Точнее сказать, на обрубке хвоста.

– Если не секрет, чей это обрубок?

– От тебя, Александр Сергеевич, никогда не было, нет и не будет у меня секретов. И, в связи с этим, опять же нужна твоя помощь... Как я помню, однажды (это было в Нижнем Тагиле) ты рассказывал забавную историю, приключившуюся с тобой.

Фомин ухмыльнулся.

– Если болтал в гостиничном номере, чтобы позабавить вас, то я мог натрепать много чего. Особенно, если оказывался на лирической волне, когда мог и прихвастнуть.

Самарин отрицательно замотал головой.

– Это не было хвастовством.

– Напомни.

– Ты рассказывал, как случайно, проходя возле центрального пассажа (тогда он еще не был снесен) услышал крик о помощи. Обернулся и увидел, как от женщины убегает парень с женской сумочкой. Ты среагировал мгновенно...

– Бывает...

– Догнал грабителя. И препроводил в милицию.

– Помню... Не только его доставил, а и потерпевшую и двух других свидетелей.

– А не помнишь ли, что за мужик это был?

– Ну, тогда он еще не был мужиком. Парнем лет, наверное, двадцати трех или чуть больше. По-моему, студент тогдашнего УПИ. Высок, строен и на лицо приятен. Если ничего не путаю, наркоман. Трус: как только оказался в милиции, стал колотиться, прости за жаргонизм, без всякого при-

нуждения стал давать признательные показания. Впрочем, ему ничего другого и не оставалось: взят-то был с поличным. Не помню, это было на счету грабителя первое преступление или нет. Я же им не занимался и больше не встречался. Так... Пытаюсь, Алексей, вспомнить его имя и фамилию... Семья известная в городе, на то время... Какой же это был год?

Алексей пришел на помощь:

– Тысяча девятьсот девяносто четвертый.

– Пожалуй... Точно... Как быстро время летит... Насчет фамилии... На другой год какая-то история, связанная с той фамилией, прогремела.

– Криминальная?

– Да, Алексей, но... То ли кто-то убил, то ли кого-то убили... Не помню... Мимо меня прошло и, кажется, я был в длительной командировке: подчищал чьи-то хвосты. А ты... не помнишь?

– Откуда?! Я только-только наострил лыжи с аттестатом о среднем образовании в сторону нашей школы милиции.

– Шуму много было... Многие газеты писали. Некоторые журналисты ЦРУ приплели.

Самарин усмехнулся.

– В те годы преступность была дикой. Группировки открыто устраивали разборки, поэтому мне запомнить... Надо иметь компьютерную память.

– Вот-вот! – подняв указательный палец вверх, торжествующе воскликнул Фомин. – И ты хочешь, чтобы я, старик?..

– Не равняй меня с собой, Александр Сергеевич: твоя память несравнима с самым производительным ПК, особенно, если по твоему профилю. Не раз убеждался.

– Не преувеличивай... И всё-таки... Так... Почему я вспомнил про ЦРУ? Не просто же так... Вертится что-то неясное в голове... Всё! Восстановил! У подъезда своего дома был убит ведущий конструктор оборонного завода и фамилия его, да-да, Калиниченко и... Стоп! Фамилия моего грабителя Калиниченко, а вот имя... Денис его имя. Точно Денис Калиниченко.

Полковник Самарин удовлетворенно кивнул.

– Всё сходится.

– Что именно? Неужели этот Денис Калиниченко снова взялся за свое? Я о нем после того случая ничего не слышал. Расскажи, просвети, а?

– Имею все основания полагать, что Денис Ефремович Калиниченко, ныне уважаемый в Екатеринбурге предприниматель, переквалифицировался...

– Догадался! Это ты ему сел на хвост, это его подозреваешь в даче взятки вице-мэру!

– А ты считаешь, что он перековался и не способен, рука у него не поднимется?

– Что ты! Что ты! Давно не ребенок... Кто-кто, а мы с тобой знаем реальную статистику эффективности трудового перевоспитания в наших колониях. Официальные цифры, которыми оперируют политики, радуют: рецидив, мол,

не больше двадцати процентов...

Самарин позволил себе прервать учителя.

– На самом деле цифры следует поменять местами и это будет ближе к правде.

– Всего лишь ближе, но не сама правда.... Я вот роюсь в памяти и не могу вспомнить ни одного случая (из сотен, которые прошли через мои руки), чтобы человек, угодивший за уголовное преступление в колонию, отбывший срок, вернувшись на волю, не продолжил нарушать закон. Поэтому оказываются за решеткой во второй и даже в десятый раз.

Ученик добавил:

– Завязывают, но по другим причинам: становятся просто неспособными к чему-либо серьезному, а по мелочам как бы уже опытному уголовнику не по статусу.

– Да... Любопытно... Что за «бизнес» у Дениса?

– Хозяин завода железобетонных изделий. И приобрел его не без содействия ныне осужденного Котова.

– Давно стал владельцем?

– За два года до того, как вице-мэр оказался на скамье подсудимых.

– Срок давности не прошел... Можешь смело действовать. Скажи, а твои парни не задавались вопросом, откуда взялись такие деньги у Дениса? Не в копеечку встала сделка, если даже не брать во внимание оплату услуг чиновника.

– Что-то откопали, но это в рамках закона.

– То есть?

– Получил после смерти отца хорошее наследство. Отец Дениса, оказывается, при оборонном заводе учредил дочернее частное предприятие, приносящее солидные доходы. Собственно, это и стало камнем преткновения. Нашлись люди, которые решили отжать «дочку»; владелец её стал артачиться, отказался делиться прибылями и, как следствие, убили. Так что ЦРУ, о котором ты вспомнил и о котором болтали газеты, не имеет никакого отношения к этому преступлению.

– Хорошо, если бы твои парни (кроме дачи взятки должностному лицу Котову) откопали плюсом что-то...

– Копают, но всё чисто.

– Мой совет простой...

– Слушаю, Александр Сергеевич.

– Попробуй натравить Госналогслужбу, сам пока оставайся как бы не при делах.

– Стоит, думаешь?

– Даже уверен. Девяносто процентов предпринимателей так или иначе уходят от налогообложения, прячут доходы. Почему ты думаешь, что Калиниченко этим не грешит?

– Смотрел материалы налоговых проверок. Везде лишь незначительные нарушения, не влекущие сами по себе уголовную ответственность.

– Этого мало. Надо заручиться кем-то из сотрудников завода, знающих ситуацию изнутри... Они могут открыть глаза. Самое элементарное – серые зарплаты, что, сам понима-

ешь, уже грубое налоговое нарушение. Зацепишься и потянешь.

– Ты, Александр Сергеевич (в который раз убеждаюсь) – мудрый человек.

– Ну это брось. Всё, мною сказанное, – банальность.

– Александр Сергеевич, по моему указанию ребята установили негласное наблюдение за Денисом Калиниченко. И днями моих сыщиков удивила одна его встреча...

– С предпринимателем?

– Нет.

– С корешами по колонии, решившими восстановить связи?

– Похоже, также нет.

– А что тогда могло еще удивить?

– Им показалось, что оба никогда не встречались друг с другом. Точнее, так показалось нашему человеку, который работает в ресторане «Тифлис» и который наблюдал со стороны за общением.

– И что еще показалось «наблюдателю»?

– Всё указывает на то, что инициатором встречи был не Денис Калиниченко. Второе: разговор шел тяжело и был для Дениса неприятным. Третье: другое лицо, видимо, какое-то дело предлагал, но Денис решительно отказывался. Четвертое: наш человек считает, что после этого начались угрозы по адресу Калиниченко и даже грубый шантаж.

– Что дало возможность для шантажа?

– Пытаемся установить.

– Даю подсказку: не факт, Алексей, но, возможно, есть компромат по поводу нахождения Дениса в колонии. Мой опыт подсказывает, что чаще всего каким-то образом становится известным, что заключенный стучал на своих корешей, закладывал. Угроза мести – это очень серьезно.

– Такая информация обычно находится у начальника колонии и больше ни у кого.

– И что? Начальник колонии не человек, что ли?

– После отбытия прошло столько лет и только сейчас...

– Этот самый начальник колонии давно на пенсии и по пьяни с кем-то поделился, а этот «кто-то» случайно оказался бывшим зэком. Вот и пошла информация гулять.

– Соглашусь: нет ничего такого тайного, что, в конце концов, не стало бы явным.

– Вот именно. Скажи, твой человек не сделал фотографии со встречи?

– Сделал. Передал нам. Качество, несмотря на скрытую съёмку, хорошее. Даже видно, что разговор был непростым, то есть горячим.

– Попробовал установить, кто второй на снимке?

– Да.

– И кто же?

– Покопавшись, установили личность: это некий Кротков Михаил Евгеньевич, бывший сотрудник уголовного розыска транспортной полиции...

– Вот и ответ на вопрос, откуда информация, послужившая поводом для шантажа.

– Торопишься, Александр Сергеевич.

– Разве не так?

– Скорее всего, нет. Этот самый Кротков отбывал наказание за нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших тяжелые последствия для жизни и здоровья товарища по службе.

– Напились и подрались, что ли?

– Да, напились во время нахождения в командировке, но не дрались. Кротков попытался убить коллегу.

– Убить?!

– Именно убить. Намеренно стрелял на поражение из табельного пистолета. Его судили. Приговор оказался щадящим: пять лет лишения свободы с содержанием в спецколонии.

– Видимо, были учтены смягчающие вину обстоятельства...

Самарин рассмеялся.

– В виде многочисленных прекрасных характеристик руководства. Так что факт: Калиниченко и Кротков отбывали сроки примерно в одно и то же время, но в разных колониях: если первый в одной из ивдельских, то второй в одной из нижнетагильских.

– Дело осложняется. Первый вопрос, который может что-либо высветить и приоткрыть карты, это ответ, что послу-

жило поводом для шантажа, а потом ясно будет, к какому делу хотел притянуть бизнесмена. Действуй, Алексей. Хотя повторяю: шкурка не стоит выделки.

– Дело принципа, Александр Сергеевич: взяточодатель должен последовать вслед за взяточполучателем – это справедливо. Я не рыцарь печального образа и кидаться со шпагой на ветряные мельницы не собираюсь, но попробовать стоит.

– Да, и я не рыцарь... Но все-таки стоит, Алексей, – сказал наставник, встал, обнял, похлопал по спине. – Удачи, господин полковник. Мало таких, но вы есть. И значит? Хорошо! У меня на душе полегчало: вон, какого молодца оставил вместо себя – загляденье!

Кавказец

После ухода ученика Фомин с необыкновенным вдохновением принялся сочинять обещанное интервью. И сочинительство теперь пошло легко. Через сорок минут по электронной почте скинул текст. Журналист Григоров (скорее всего, с нетерпением ждал) ответил:

«Спасибо! Просто здорово получилось. Знаете, Александр Сергеевич, совестно присваивать себе авторство. Не лучше ли, чтобы было не интервью, а корреспонденция, и опубликовать за вашей подписью?»

Детектив, отвечая на вопрос, категорично возразил:

«Ни в коем случае! Я с тобой договаривался, помнишь? Повторяю: мне так надо – и всё!»

«Понял, Александр Сергеевич. Начинаю работать. Правка небольшая, в основном, связана с формой жанра, а не с содержанием. С вашего позволения, внесу коррективы».

«Позволяю, Жень! Вперед и с песней!»

Выйдя из сети и выключив компьютер, Фомин встал, потянулся до хруста в суставах, крикнул, взглянул на настенные часы и вышел к помощнице.

– Обед, сударыня.

Галина Анатольевна кивнула.

– Проголодался, сударь? – В тон мужу усмешливо спросила она.

– Есть маленько... Время, согласись, пришло.

– Пойдем. Дома пообедаем... Неспеша... С твоего позволения, хозяин, я в офис уже не вернусь.

– Позволяю, сударыня. Иди одна. А я заправлюсь в ближайшей пельменной, вернувшись, еще сделаю несколько звонков.

Супруги вышли вместе, но на перекрестке Галина Анатольевна повернула налево, к автобусной остановке, а Александр Сергеевич пошел прямо, пересек улицу и скрылся за углом дома довоенной постройки.

На обед потратил не более получаса. В пельменной никто не толкался. Наверное, из-за того, что понедельник. Вернувшись в офис, раздевшись в тамбуре (так он называл прихожку), прошел в директорский кабинет, достал сотовый, но передумал по нему звонить, поэтому положил обратно в карман: решил воспользоваться стационарным телефоном. Но он, опередив хозяина, подал голос.

– Детектив Фомин... Добрый день, Георгий Иннокентьевич... Внимательно слушаю... Рад был хоть чем-то услужить... Понимаю, что у ваших ребят не всегда есть возможность выбраться в глубинку... Впрочем, год назад вы сумели командировать Григорова в Ирбит и тем самым здорово мне помогли... Благодарен... Как это «не стоит благодарности»?.. Стоит, еще как стоит... Хорошо... И вы будьте здоровы!.. Разумеется...

Только-только положил трубку, как вновь зазвонил теле-

фон.

– У телефона... День добрый, по крайней мере, таковым был до сих пор.... Так точно, он самый... Так... Я понимаю, но не вижу необходимости, господин Останин... Это ваши проблемы, которые ко мне не имеют никакого отношения, – он солгал, а потому густо покраснел. – А вот так... Неужели непонятно выразился?.. Занят сильно... Посвободнее буду не ранее конца рабочей недели... Если что-то не отвлечет... Не стоит благодарности... Слухи о моей неприязни к российским бизнесменам, а к екатеринбургским, в особенности, имеют под собой основания... Попробуйте доказать обратное... Могу всех назвать поимённо и указать их источники богатств... Прошу, не надо... Если вдруг состоится встреча, во что я лично не верю, подискутируем на эту тему... Всего наилучшего... Будьте здоровы!

Положив трубку, встал, прошел к тумбе, стоявшей в углу кабинета, включил чайник, который зашумел тут же. Положил в бокал сахар, растворимый кофе, тщательно перемешал и залил кипятком. Но уже после первых двух глотков бокал пришлось отставить. Недовольно скривившись, вышел из кабинета и увидел в открывающихся дверях высокого и широкоплечего мужчину. Первое, на что обратил внимание, – это представитель Кавказа.

– Как понимаю, да, Александр Сергеевич? – с легким акцентом спросил он.

– Вы не ошиблись, господин... Извините, не знаю, как

звать-величать.

– Нет-нет, да!.. Вы меня извините... Звонил, звонил... То не отвечает номер, да, то занят... Я был тут, рядом... Решил по-хамски, да... Ради Христа, не сердитесь...

Кавказец чем-то сразу расположил Фомина, поэтому, усмехнувшись и кивнув, даже слегка пошутил:

– Обещаю: сердиться буду, но не очень сильно.

– Спасибо, да!.. Злоупотребляю, но прошу уделить время... Очень-очень надо, да. Беда у меня...

Детектив огорченно вздохнул.

– Увы! У меня с радостями никто не появляется. Только с бедами. Уже привык. Раз пришли, то... Раздевайтесь... Проходите.

Заказчик

За окном косой дождь, то затихая, то вновь припуская, всполаскивал стёкла, а в кабинете несколько секунд стояла тишина. Фомин присматривался к посетителю, а последний, похоже, занимался тем же, то есть, оба пытались сами себе ответить на один вопрос, а именно: будет ли толк?

Директор частного детективного агентства «ФАС» хотел было разрядить напряженность, возникшую между ними только что в кабинете, какой-нибудь шуткой, но, глядя на хмурое лицо кавказца, на котором левое веко постоянно подёргивалось, передумал. Вместо этого предложил:

– Может, горячего кофейку, а?

– Благодарю, не надо. – Ответив, хмуро взглянул в лицо детектива и повторил уже сказанное. – Беда у меня...

– А с кем имею честь?..

– Простите... Совсем вылетело... Мдивани Николай Георгиевич... Родом из Рустави, а сейчас проживаю в солнечном Севастополе...

Фомин прервал.

– Подробности потом.

– Почему, да?

– Могут не понадобится... Все зависит от того, с чем пожаловали. Если просто хотите проконсультироваться – это одно; если с заказом – это другое.

Мдивани покачал головой и хмыкнул.

– Думаю, что с тем и с другим сразу.

– Вот как?

– Я думаю...

– В таком случае, так сказать, на бережку, пока не вступив в воду, надо условиться.

– О чем, да?

– У меня существует незыблемое правило: встречу записывать от начала и до конца на видеокамеру.

– А это для чего?

– Специфика моих занятий требует, чтобы оставались после визита очевидные доказательства. Второе: так удобнее работать с фактурой, потому что вижу не только то, о чем посетитель рассказывает, но и то, как посетитель себя при этом ведет, то есть для меня важны также эмоции, которые, спустя время, из мозгов выветриваются и впоследствии не восстановимы.

– А без этого... никак, да?

Фомин с видимым огорчением на лице развел руками.

– Увы, нет.

– Значит, без вариантов, да?

– Почему же? Вариантов даже два. Первый: вы знакомите с «бедой» и получаете совет, как вам следует вести себя дальше, камера при этом выключена.

– А... второй?

– Если вы хотите, чтобы за советом последовали мои

какие-то действия, то в этом случае без видеокамеры нам не обойтись.

– Жаль...

– А что вас беспокоит?

– Как же! Кто-то (нет, не вы, конечно) сможет потом воспользоваться во вред мне.

Фомин усмехнулся, хотя ирония вряд ли в этом случае была уместна.

– Фирма гарантирует.

– Это лишь слова...

– Это почему, Николай Георгиевич? Условия сохранения конфиденциальности информации прописаны будут в письменном договоре. Кроме того, не факт, что последуют с моей стороны какие-то действия: прошу иметь в виду, что я оказываю услуги обычно лишь каждому десятому из обратившихся.

– Остальным?

– Вежливо, но принципиально отказываю. Я всех предупреждаю и вас тоже, что, например, не роюсь в грязном семейном белье, не устраиваю слежку за неверными супругами и так далее.

– А... Что с видеозаписью?

– Безвозвратно удаляю. Так что информацией никто не может злоупотребить.

Тут детектив явно покривил душой. Потому что бывает, хотя и крайне редко, оправдывая себя борьбой за справедлив-

вость, допускает утечку данных. Пример? Недавнее обращение предпринимателя Ильи Колпаковского и разразившийся скандал вокруг этого. Утешает сам себя лишь тем, что если бы не было вооруженного нападения на любовника жены Колпаковского, то ничего такого не произошло бы.

Мдивани, не веря в искренность, спросил:

– У вас много клиентов и вы не нуждаетесь в деньгах?

– В деньгах все нуждаются, даже миллиардеры. А клиентов, в самом деле, вполне достаточно. Многие соглашаются даже стоять в очереди.

– Но частных детективов в Екатеринбурге много...

– Но хороших почти нет.

– Под словом «почти» имеете в виду себя?

– Именно.

– Как говорят в России, от скромности не умрете.

– К счастью. Знаете, – тут Фомин решил блеснуть эрудицией, – Владимир Чивилихин, советский писатель, кажется, в книге «Память» написал следующее (за точность не ручаюсь, поскольку цитирую по памяти): *«Часто необыкновенно скромные и действительно не сделавшие ничего выдающегося люди, однако очень заметно влияют на окружающих своим нравственным обликом, делают других лучше и чище*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.